

с.1
В-14

Брѣтѣя ВАЙНЕРЫ, Юлиан СЕМЕНОВ

ОЩУПЬЮ В ПОЛДЕНЬ

Пьеса в двух действиях

№ А-06855
от 3/IX-1969 г.

Пьеса отредактирована и направлена
для распространения Управлением
театров Министерства культуры РСФСР
Ответственный редактор Альб. ПОПОВ

✓
ОТДЕЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
драматических произведений ВУОАП
Москва, К-17, Лаврушинский пер., 17

- 1970 -

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ТИХОНОВ	///	
ШАРАПОВ	///	- работники Московского уголовного розыска
САВЕЛЬЕВ	///	
СТАВИЦКИЙ		- актер оперетты
ПАНКОВА		- актриса
КАЗАКОВ	///	
ЛАГУНОВ	///	- командировочные
ХИЖНЯК		
КАЗАНЦЕВ		
АЛЕШИНА		
БЕЛЯКОВ		
ГАФУРОВА		
МУРТАЗА		
НИНА СТЕПАНОВНА		

ДЕЖУРНЫЙ по МУРу, милиционеры

В полной темноте усиленная динамиками речь лидера германских неонацистов Адольфа фон Тейдена. Свист, крики, овация. Мишируется голос Тейдена. Слышен дикторский голос: "Мы ведем этот репортаж из Мангейма, где фюрер номер два Адольф фон Тейден выступает на собрании членов своей неонацистской партии с требованием пересмотра границ Германии, аннексии Судетских земель Чехословакии, возвращения Пруссии, Кенигсберга, Щецина, Бреславля, Гдыни".

Нарастает вопль, вой, свист. Снова звучит истерический голос фон Тейдена...

Звук резко выключен.

Полная тишина.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Кабинет на Петровке, 38. Сейчас там ШАРАПОВ и ТИХОНОВ. Полутьма. На стену проецируется схематический план.^{x/}

ШАРАПОВ. Кружок - это что?

ТИХОНОВ. Это свидетельница Евстигнеева.

ШАРАПОВ. Ну, дальше.

ТИХОНОВ /берет указку/. Дальше Аксенова шла через пустырь к остановке двадцать четвертого автобуса. Вот ее маршрут. За ней шел высокий парень в черной куртке. Здесь он ее обогнал. /Показывает указкой./ Потом он вышел на улицу, к остановке, а Аксенова упала. Свидетельница думала, что она поскользнулась, а когда подошла поближе, увидела, что Аксено-

x/ За схемами обращаться к авторам. Адрес указан на последней странице.

ва мертва.

ШАРАПОВ. Что дает экспертиза?

ТИХОНОВ. Пока все предварительно... "По отсутствию поясков осаднения и ожога прихожу к выводу, что смерть Аксеновой наступила в результате проникающего ранения левого легкого и сквозного ранения сердца, причиненного длинным остроконечным оружием, вероятнее всего - толстым шилом..."

ШАРАПОВ. Значит, тот парень в куртке шархнул ее шилом?

ТИХОНОВ. Выходит, так.

ШАРАПОВ. Свидетельница хоть на улицу-то выглянула - куда тот красавец делся?

ТИХОНОВ. Нет, она крик подняла, со страху ничего не сообразила. Но я тут навел справку: между двадцатью и двадцатью одним часом там делали рейсы три водителя - Гавриленко, Лампси и Демидов. Демидова только что допросили: он довез парня в черной куртке до Цветного бульвара. Свидетельница говорит, что у парня был чемоданчик, и Демидов подтвердил. И цвет куртки сошелся - черный. И лицо он его запомнил: парень покупал билетную книжку.

ШАРАПОВ. Опознает?

ТИХОНОВ. Говорит, что да.

ШАРАПОВ. Что еще?

ТИХОНОВ. А ничего. Аксенова Татьяна Сергеевна, член Союза журналистов, сорок первого года рождения, незамужняя...

САВЕЛЬЕВ /он вошел в кабинет минуту назад и слышал последние слова Тихонова/. Кое-что есть у меня.

ТИХОНОВ. Дома у нее был?

САВЕЛЬЕВ /кивнул головой/. Записная книжка. Это раз.

Но не суть важно: книжка как книжка. А письмецо без обратного адреса - в столе валялось - интересное.

ШАРАПОВ /читает/. "Вы - подлая женщина. Если вы не оставите его в покое, вам будет очень трудно жить. Обещаю вам, что вы окажетесь в опасном положении".

ТИХОНОВ. Дальше?

САВЕЛЬЕВ. Это все.

ТИХОНОВ. Меня не любишь, но берегись любви моей...

Кармен.

ШАРАПОВ. Тихонов, Тихонов... Начальство ко мне уж три раза звонило, а ты все со своими ариозами...

ТИХОНОВ. Я ж за четыре часа преступление раскрыть не могу, товарищ Шаратов, потому как по национальности я не француз, а по имени не Метрэ.

ШАРАПОВ. А жаль. Какие планы?

ТИХОНОВ. Я звонил к ней в редакцию. Сейчас придет Беляков, ответственный секретарь... Ну-ка, книжечку мне ее дай поглядеть.

САВЕЛЬЕВ. Там ничего...

ТИХОНОВ /просматривает блокнот/. Родные, знакомые?

САВЕЛЬЕВ. Никого. Родные в Питере, знакомые еще ничего не знают.

ТИХОНОВ. Соседи?

САВЕЛЬЕВ. У нее однокомнатная квартира.

ШАРАПОВ. Раньше-то, с коммунальными, было куда как легче: выйди на кухню - десять соседок сразу выдвинут десять версий...

/Звонок по телефону./

Слушаю вас. Хорошо. Спасибо. /Опускает трубку./ Секретарь

газеты. Беляков. Потом зайдите ко мне. /Уходит./

ТИХОНОВ. Позвони к экспертам...

САВЕЛЬЕВ. Я заходил. Пока ничего нового.

/Стук в дверь. Входит БЕЛЯКОВ./

БЕЛЯКОВ. Товарищ Тихонов?

ТИХОНОВ. Да. Я. Садитесь, пожалуйста.

БЕЛЯКОВ /садится напротив него, долго протирает очки, потом достает из кармана свежий оттиск газетной полосы. Протягивает Тихонову/. Здесь мы даем Танин очерк, который она привезла из командировки.

ТИХОНОВ /читает вслух/. "Когда верстался этот номер, погибла талантливая молодая журналистка Татьяна Аксенова. Читатели хорошо знают..." /Кладет оттиск на стол./

БЕЛЯКОВ. Мы потрясены этой трагической, нелепой гибелью. Наш главный редактор хочет договориться с вашим руководством насчет того, чтобы для расследования этого из ряда вон выходящего дела выделить группу самых сильных оперативных работников.

ТИХОНОВ. Благодарю за внимание. Только самых сильных мало, а преступлений еще вполне хватает. Так что если все самые сильные будут заниматься одним делом, для преступников будет не жизнь, а малина.

БЕЛЯКОВ. Я, наверное, неудачно выразился. Я просто хотел сказать, что этому убийству надо уделить чрезвычайное внимание.

ТИХОНОВ. Я не обижаюсь. А что касается чрезвычайного внимания, то оно уделяется у нас всякому убийству.

БЕЛЯКОВ. А как вы думаете, поймут убийцу?

ТИХОНОВ. Мне за это зарплату платят.

БЕЛЯКОВ. А все-таки случается еще, что такие преступления остаются нераскрытыми?

ТИХОНОВ. Случается.

БЕЛЯКОВ. Вот видите!

ТИХОНОВ. Что я вижу? Убит человек, надо выяснить, почему. Тогда уже будет проще найти, кто убил. Для этого рассматриваем всю совокупность объективных обстоятельств и отмечаем все лишнее — только тогда перед нами предстанут мотивы и субъект преступления. Как у Родена — берем каменную глыбу и отсекаем все ненужное.

БЕЛЯКОВ. Конечно, дьявольски трудная задача!

ТИХОНОВ. Если привыкнуть — то ничего.

БЕЛЯКОВ. Все это так непостижимо, нет никаких логических объяснений... Даже не знаю, как вы все это распутывать будете...

ТИХОНОВ. Как я понимаю, вы хотите послушать от меня расписку в том, что я обязуюсь найти убийцу. Такой расписки я вам не дам. И никто не даст. Вот если бы преступления совершали машины и машины же их раскрывали, то для всемирного правосудия нашли бы необходимый алгоритм, и преступности — конец. Но вы поймите, что я — человек, и всякий другой оперативник — молодой и старый — только человек. Поэтому мы можем ошибаться, не знать, не понимать, не предвидеть. И все-таки мы ищем и, как правило, находим.

БЕЛЯКОВ. За счет чего же?

ТИХОНОВ. За счет всего. На моей стороне закон, все люди, общественное мнение. Наконец, я человек, а он — волк, и рано или поздно мы его загоняем за флажки.

БЕЛЯКОВ. Это по-своему убедительно, хотя довольно общо.

ТИХОНОВ. Ладно, предлагаю эту криминологическую дискуссию перенести на неслужебное время. Я хотел бы с вашей помощью ознакомиться с архивом Тани Аксеновой.

БЕЛЯКОВ. Вот посмотрите ее последний блокнот. Она забыла его у меня на столе. Я захватил на всякий случай.

/ТИХОНОВ берет из рук Белякова красную лидеринскую книжку, долго листает./

ТИХОНОВ. Здесь, на последней странице, написано: "А.Ф. Хижняк". Дальше: "Трусость часто бывает детонатором ужасных преступлений..." Еще: "Микробы проказы могут жить в организме, очень долго не проявляясь..."

БЕЛЯКОВ. Ну и что?

ТИХОНОВ. Аксенова не заявляла в план какую-нибудь статью на морально-этические темы?

БЕЛЯКОВ. Нет. Это к тематике ее отдела не относится. Правда, она мне сказала, что сдаст какой-то интересный материал, хотела посоветоваться о чем-то, но я был очень занят...

ТИХОНОВ. Когда вы видели Таню в последний раз?

БЕЛЯКОВ. Подождите, сейчас я точно скажу. Третью полосу приносят в половине шестого. Да, в половине шестого я зашел в отдел и Таня с кем-то говорила по телефону. Она еще мне показала рукой - подождите, мол. Но меня вызвали в типографию, и я решил зайти позднее. Заглянул минут через сорок - ее уже не было.

ТИХОНОВ. А о чем говорила Таня вы не слышали?

БЕЛЯКОВ. Да я как-то не имею обыкновения слушать чужие разговоры.

ТИХОНОВ. Жаль. Жаль, что в этот раз не нарушили обыкновения. Вы не знаете, у нее враги были?

БЕЛЯКОВ. Недоброжелатели какие-нибудь - наверняка...

Как у всякого человека... Но такие, чтобы убить, - вряд ли.

ТИХОНОВ. А что она днем делала?

БЕЛЯКОВ. Сейчас подумаю. Дай бог памяти. Так, с утра она писала отчет о командировке...

ТИХОНОВ. Простите, а когда она приехала из командировки?

БЕЛЯКОВ. В субботу утром. Таня ездила на лавсановый комбинат в Ровно, неделю там была. Привезла очерк. Да! Говорила, что нашла какой-то поразительный материал, но что-то ей еще должны были не то прислать, не то она должна была проверить. Я сам был в закрутке, и как-то пропустил это мимо ушей. Да оно, собственно, уже не имеет значения...

ТИХОНОВ. Аксенова не замужем?

БЕЛЯКОВ. Нет. У нее был один человек. Не знаю даже, как его назвать - жених, что ли. Слово какое-то пошлое...

ТИХОНОВ. Да, романтики в нем маловато. Так что интересного есть в этом человеке?

БЕЛЯКОВ. Ничего, по-моему, в нем нет интересного. Зовут его Константин Михайлович Ставицкий. Актер. Таким всю жизнь не хватает одной роли, чтобы стать знаменитыми.

ТИХОНОВ. Я хочу вам напомнить: Таню убил высокий молодой человек в темном пальто с чемоданчиком в руке.

БЕЛЯКОВ. Ставицкий ходит в сером пальто. Я не верю, что он может быть к этому причастен.

ТИХОНОВ. Во-первых, я вам не сказал, что подозреваю Ставицкого. Мне просто надо лучше знать людей из окружения Аксеновой.

БЕЛЯКОВ. А во-вторых?

ТИХОНОВ. А во-вторых, только в системе Станиславского установка "Не верю!" неоспорима. Мы предпочитаем факты.

БЕЛЯКОВ. Видите ли, я ее знакомого не люблю и поэтому не могу быть объективным. А вам необъективность сейчас может только навредить. Да и действительно, я его очень мало знаю. По-моему, просто хлыщ, который дома снимает с себя интеллигентность, как пиджак. Мне иногда казалось, что Таня его терпит, потому что дала себе слово сделать из него человека. А может быть, я и не прав, не знаю...

САВЕЛЬЕВ /впервые за весь разговор отрывается от записей/. "Хлыщ", "интеллигентность снимает, как пиджак"... "Таня его терпит"... Вы хотите убедить нас в своей объективности, а даете ему такую характеристику, что я готов сунуть его в острог... Сразу же...

ТИХОНОВ. Не сердитесь... Давайте я отмечу вам пропуск.

/БЕЛЯКОВ молча прощается и уходит./

У меня от магнитного браслета часы стали наоборот ходить. Сколько сейчас?

САВЕЛЬЕВ. Час пятнадцать. Уже понедельник.

ТИХОНОВ. Значит, ее убили пять часов тому назад...

САВЕЛЬЕВ. Это ты к тому, что при наших данных шансы выйти на убийцу минимальные?

ТИХОНОВ. Ну и прозорлив ты, старина.

САВЕЛЬЕВ. Мотивы надо искать.

ТИХОНОВ. Умно говоришь... Корысть?

САВЕЛЬЕВ. Вряд ли. Сумочка при ней, да и грабить ее преступник не хотел - видел женщину, что сзади шла.

ТИХОНОВ. Ревность?

САВЕЛЬЕВ. А почему бы нет?

ТИХОНОВ. "Поставите себя в опасное положение"? Записочка, что ли? Хм-хм. Такие записочки в крайнем случае кончатся соляной кислотой, стиль-то уж больно тривиален. А здесь - шило...

САВЕЛЬЕВ. Ревность...

ТИХОНОВ. Уборошо, на завтра вызываем трагедина Ставицкого. Дальше?

САВЕЛЬЕВ. Хулиганство.

ТИХОНОВ. Разгулялся пьянчуга и ткнул шилом ни в чем не повинного человека? Шел спокойно, песни не орал, к одной женщине приставать не стал - просто очень даже деликатно обошел, а вторую - шилом?

САВЕЛЬЕВ. Семейное положение...

ТИХОНОВ. Это мы подмонтируем к твоей версии "ревность". Дальше?

САВЕЛЬЕВ. У меня сигареты кончились.

ТИХОНОВ. Есть "Памир".

САВЕЛЬЕВ. Как ты его куришь?

ТИХОНОВ. Из пижонства. Похож на "Галуэз". Черный табак и другие рассказы. Остались у нас следующие мотивы: месть, убийство на почве исполнения служебного или общественного долга и, наконец, стала жертвой какого-нибудь маньяка, садиста, что ли...

САВЕЛЬЕВ. Ну, это уж с потолка.

ТИХОНОВ. Ошибаешься. Это из криминалистики...

САВЕЛЬЕВ. Я думаю, что Ставицкого лучше сюда не вызывать.

ТИХОНОВ. Смелая мысль.

САВЕЛЬЕВ. А ты не издевайся. Попробуй поговорить с ним

дома .

ТИХОНОВ. Смысл?

САВЕЛЬБЕВ. Когда мы задаем вопросы у него дома - это милая беседа . А когда мило беседуем на Петровке - это уже допрос . Только допрашивать его рано: как его этот Беляков не поносил, но актер-то он хороший! А они все люди без кожи, с обнаженными нервами: для них вон и ресторан особый открыли, чтоб расслабиться можно было после работы...

ТИХОНОВ. Если будут вакансии в Министерстве культуры - я о тебе похлопочу .

САВЕЛЬБЕВ. А по существу моего предложения?

ТИХОНОВ. Принято .

САВЕЛЬБЕВ. Вот и прекрасно . Что - по домам?

ТИХОНОВ. Ты иди . Я хочу посмотреть еще раз ее записные книжки .

САВЕЛЬБЕВ /уходя/. Салют...

/ТИХОНОВ закуривает, открывает блокноты Аксеновой, начинает делать выписки. Включает маленький транзисторный приемник, слышен бравурный немецкий марш, рев толпы, голос фон Тэддена /это звуковое сопровождение будет проходить несколько раз сквозь всю пьесу./

З а т е м н е н и е

Утро . Однокомнатная квартира Ставицкого . СТАВИЦКИЙ ходит от двери до стены и обратно без остановки . Открывает сервант, достает пузатую бутылку, наливает рюмку . Раздается звонок . СТАВИЦКИЙ опускает рюмку на стол, идет открывать

дверь. Входит ТИХОНОВ.

ТИХОНОВ. Здравствуйте. Моя фамилия Тихонов. Из МУРа.
СТАВИЦКИЙ. Заходите. Я ждал вас.

ТИХОНОВ. Это почему же?

СТАВИЦКИЙ. Ну, вас, не вас — кого-нибудь из вашей кон-
торы. Было бы глупо не поговорить со мной. Я ведь, может
быть, лучше всех знал убитую.

ТИХОНОВ. Вот я и решил этой ошибки не допускать. /Сни-
мает пальто, мешкает, вроде ищет, куда повесить. На вешалке —
серое короткое пальто, на сундучке лежит черная замшевая
куртка./ Извините за нескромный вопрос: сколько стоила эта
куртка?

СТАВИЦКИЙ. Семьсот двадцать флоринтов. А что?

ТИХОНОВ. Мне вот такую же предлагают. Девяносто рублей
хотят. Дорого, наверное?

СТАВИЦКИЙ. Это дело любительское. Охота пуше неволи...

ТИХОНОВ. Да я вообще не знаю, пойдет ли она мне. Чер-
ный цвет... При моей фактуре на факельщика буду похож.

СТАВИЦКИЙ. А вы примерьте.

ТИХОНОВ. Можно?

СТАВИЦКИЙ. Конечно.

/ТИХОНОВ натягивает куртку, смотрит в зеркало./

ТИХОНОВ. И зимой можно носить, вместо пальто.

СТАВИЦКИЙ. Можно. Хотя я в ней обычно только в машине
езжу.

/П а у з а./

Ну что, наверное, маскарад можно кончать. Куртка сидит не-
важно — оттопыривается пистолет в заднем кармане. А зачем вам

понадобилось осматривать мою куртку?

ТИХОНОВ. Куртку - не надо. Я хотел себя осмотреть в куртке. Мы же с вами одного роста. А насчет пистолета вы ошиблись. Это жестянка с мятными конфетами "Эвкс". Утощайтесь!

/Протягивает./

СТАВИЦКИЙ. Вот и хорошо. Поставим все точки над "ё".
Значит, подозреваете?

ТИХОНОВ. Нет. Нет достаточных оснований. А вот серьезно поговорить есть о чем.

СТАВИЦКИЙ. Как же вы это для такой серьезной беседы пистолет не взяли?

ТИХОНОВ. А я его попусту с собой не ношу. Он же ведь, черт, тяжелый. Да и таскать его вот так повсюду - потерять можно, голову потом за него снимут.

СТАВИЦКИЙ. Мне казалось, что вы без этого обязательно-го детективного атрибута никак не обойдетесь.

ТИХОНОВ. Дело в том, что этот атрибут для меня такой же инструмент, как для бухгалтера счеты или для вас - коробка с тримом. Вы же не берете ее с собой, отправляясь в магазин или в гости?

СТАВИЦКИЙ. А вы пришли, чтобы прицениться к моей куртке?

ТИХОНОВ. Нет. Я пришел к вам в гости. Правда, в гости ходят по приглашению. Да вот пришлось пренебречь некоторыми условностями. Я подумал, что лучше прийти к вам в гости без приглашения, чем приглашать вас к себе. Так, мне кажется, лучше.

СТАВИЦКИЙ. Кому лучше?

ТИХОНОВ /делает неопределенный жест/. Вообще лучше.

СТАВИЦКИЙ. Видимо, вы предполагаете, что допрос в неофициальной обстановке более эффективен?

ТИХОНОВ. Я уже сказал, что это не допрос. А что касается эффективности — несомненно. Позволю себе напомнить о причине и цели своего визита. Убита при непонятных обстоятельствах женщина, которую вы, по моим сведениям, любили и на которой собирались жениться. Поэтому я и рассчитываю на вашу помощь в розыске убийцы.

СТАВИЦКИЙ. Но вы же подозреваете меня!

ТИХОНОВ. Расскажите лучше, что вы делали в воскресенье вечером.

СТАВИЦКИЙ. В театре я был свободен. Позвонил Тане в редакцию около пяти, может, в половине шестого, она работала в этот день. Предложил встретиться, поговорить. Она куда-то торопилась, сказала, что ей надо с кем-то увидеться. Велела позвонить в среду. Я поехал к Генке Григорьеву...

ТИХОНОВ. Кто это?

СТАВИЦКИЙ. Мой приятель, тоже актер. Его не оказалось дома. Там, рядом с ним, кинотеатр "Прогресс". Делать было нечего — зашел на семичасовой сеанс. Потом поехал в ресторан, поужинал и отправился домой спать. Вы удовлетворены?

ТИХОНОВ. Почти. Вы откуда звонили Тане?

СТАВИЦКИЙ. Из дома.

ТИХОНОВ. Через сколько вы вышли?

СТАВИЦКИЙ. Вскоре. Минут через тридцать, неверное.

ТИХОНОВ. Где живет Григорьев?

СТАВИЦКИЙ. На Ломоносовском проспекте.

ТИХОНОВ. Каким транспортом ехали к нему?

СТАВИЦКИЙ. Четвертым троллейбусом.

ТИХОНОВ. Итак, складываем: пять тридцать - вы позвонили Тане. Плюс полчаса на сборы - шесть. Минут пятнадцать ходьбы до остановки троллейбуса, плюс минут тридцать езды. Значит, без четверти семь вы были у Григорьева. Так?

СТАВИЦКИЙ. Так.

ТИХОНОВ. Когда вы уходили из дома, кто-нибудь из соседей вас видел?

СТАВИЦКИЙ. Понятия не имею. Я как будто никого не встретил.

ТИХОНОВ. Идем дальше. Дома у Григорьевых вас кто-нибудь видел?

СТАВИЦКИЙ. Нет. Я же сказал, что его не было.

ТИХОНОВ. А может, кто-нибудь из чад или домочадцев?

СТАВИЦКИЙ. Нет. Никто дверь не открыл.

ТИХОНОВ. Ладно. Без пяти семь вы в кино. Какой был фильм?

СТАВИЦКИЙ. Какая-то импортная белиберда.

ТИХОНОВ. А точнее?

СТАВИЦКИЙ /нервно/. "Вернись, Беата!"

ТИХОНОВ. Прекрасно. Когда закончился сеанс?

СТАВИЦКИЙ. Около девяти.

ТИХОНОВ. Это же короткий фильм, что так поздно?

СТАВИЦКИЙ. Журнал был длинный...

ТИХОНОВ. Не помните...

СТАВИЦКИЙ. Помню!!! Помню! "Новости науки и техники".

ТИХОНОВ. Прямо из кино поехали ужинать?

СТАВИЦКИЙ. Нет. Была хорошая погода, снегопад, я дошел до метро "Университет", а оттуда почти до моста через Москву-реку. Там сел в такси.

ТИХОНОВ. В каком ресторане ужинали?

СТАВИЦКИЙ. Дома актеров. Приехал туда около десяти.

ТИХОНОВ. Какой швейцар дежурил, Володя?

СТАВИЦКИЙ. Нет, другой. Я его не знаю.

ТИХОНОВ. Ладно. Вы не запомнили, кто из официанток вас обслуживал?

СТАВИЦКИЙ. Да, конечно. Наташа. Она может это подтвердить.

ТИХОНОВ. К сожалению, она может подтвердить, только то, что вы пришли в ресторан около десяти. Она же с вами не ездила к Григорьеву и не смотрела "Вернись, Беата!"

СТАВИЦКИЙ. Что ж, алиби у меня нет. Но это еще ни о чем не говорит.

ТИХОНОВ. Конечно, не говорит. А куртку свою вы когда в последний раз надевали?

СТАВИЦКИЙ. Неделю назад. А может быть, дней десять. Не помню. Если бы знал, что предстоит разговор с вами, повесил бы табличку: "Ношено 1-го февраля с 17.30 до 22.00".

ТИХОНОВ. Да вы не сердитесь.

СТАВИЦКИЙ. Посмотрел бы я на вас в моем положении... Хотите выпить? Это "Реми Мартэн" — один из лучших в мире коньяков.

ТИХОНОВ. Спасибо, не хочу.

СТАВИЦКИЙ. А что, в вашем Скотланд-Ярде не пьют?

ТИХОНОВ. В Скотланд-Ярде — не знаю, не был. А в МУРе пьют. Только не на работе. / П а у з а . /

СТАВИЦКИЙ. А Тани уже нет... Про нее, про мертвую, трудно говорить. О мертвых, о всех, стараются говорить хорошо и забывают мелочность, жадность, всякую человеческую труху.

Потому что когда кто-то неожиданно умирает, люди вокруг пугаются — ведь и с ними могло такое приключиться. И они невольно проникаются признательностью к умершему — что это случилось с ним, а они вот живы. Оттого и говорят хорошо о всех скопом — о хороших и плохих.

ТИХОНОВ. Простите, вы Таню Аксенову любили?

СТАВИЦКИЙ. Во-первых, сейчас это уже не имеет значения, а во-вторых, это мое, очень личное, и лучше этого не касаться.

ТИХОНОВ. Несомненно. Но Таня убита при очень непонятных обстоятельствах, и я бы хотел знать о ней как можно больше. Ведь Танина смерть — это не только ваше личное дело.

СТАВИЦКИЙ. Понятно. Ну, условимся, что любил.

ТИХОНОВ. Любили? Или условимся, что любили?

СТАВИЦКИЙ. Любил.

ТИХОНОВ. Вы из-за Тани разошлись с женой?

СТАВИЦКИЙ. И это знаете?

ТИХОНОВ. Я это знать обязан. Так как же?

СТАВИЦКИЙ. Нет, не из-за Тани. Просто тот брак был уже бессмыслен. Совершенно чужие люди. Елена не хочет этого понять до сих пор.

ТИХОНОВ. Елена Букова, ваша бывшая жена, знала о ваших отношениях с Аксеновой?

СТАВИЦКИЙ. Да. Она хотела, чтобы я прекратил встречи с Таней и вернулся.

ТИХОНОВ. Аксеновой это было известно?

СТАВИЦКИЙ. Нет. То есть в конце концов — да. Ей кто-то стал присылать анонимные письма. Думаю, что это работа Елены.

ТИХОНОВ. А почему вы сразу не рассказали обо всем Аксеновой?

СТАВИЦКИЙ. Надо было знать Таню. Она бы сразу меня и черту послала. Она мне и так говорила: "Очень ты всегда красиво беседуешь..." А я уж так заигрался, что вел себя как школьник, прогулявший уроки: все равно накажут, поэтому прогуливал все дальше и дальше, надеясь на какое-то чудо. Думал, что со временем это потеряет свою остроту и всякое значение. Это была, как говорится, ситуационно-обусловленная ложь.

ТИХОНОВ. А потом?

СТАВИЦКИЙ. Потом Таня получила какое-то письмо. Ну, а врать я больше не мог. И тогда пришел конец всему.

ТИХОНОВ. Вы письмо это видели?

СТАВИЦКИЙ. Нет. Таня даже разговаривать со мной не захотела.

ТИХОНОВ. Вы почерк своей жены хорошо помните?

СТАВИЦКИЙ. Да. А что?

ТИХОНОВ. В письменном столе Тани мы нашли письмо с ут-ровами. Она получила его за два дня до смерти.

СТАВИЦКИЙ. Но это не то письмо! То она получила месяц назад. Если можно, покажите мне его.

ТИХОНОВ. Пожалуйста.

/Дрожащими пальцами СТАВИЦКИЙ достает из конверта письмо. Взглянул мельком./

СТАВИЦКИЙ. Нет, это не ее рука.

ТИХОНОВ. Вы посмотрите внимательней.

СТАВИЦКИЙ. Да что смотреть! Что я, почерк Елены не знаю? Слава богу...

ТИХОНОВ. Если предположить, что Букова имела отношение к этому письму, напрашивается вывод: такое щепетильное дело она могла доверить только очень близкому человеку. Кто может

быть ей настолько близок?

СТАВИЦКИЙ. Вероятнее всего, это Зина Панкова, ее подруга.

ТИХОНОВ. А кто она, эта Панкова?

СТАВИЦКИЙ. Актриса, вместе со мной работает в театре музыкальной комедии.

ТИХОНОВ /записывает/. Панкова... А зовут Зинаида...

СТАВИЦКИЙ. Федоровна...

З а т е м н е н и е

Кабинет на Петровке. ТИХОНОВ сидит за столом и что-то чертит. САВЕЛЬЕВ возле телефона.

САВЕЛЬЕВ. Да, да, с Петровки. Вы инспектор по кадрам? Товарищ Степанова Ангелина Ивановна, верно? Вы там одна сейчас? В кабинете, в кабинете вашем? Хорошо. И телефончик не параллельный? Ясно. Скажите, актриса Панкова Зинаида Федоровна когда сегодня будет в театре? Ага... Понятно... А где мамаша живет? В Ленинграде? Адресочка не знаете? Понятно. Я вас попрошу к нам сейчас подъехать. Ее личное дело захватите: заявление о приеме на работу, анкетку и автобиографию. Да, да. Кабинет товарища Тихонова... До свиданья...

ТИХОНОВ. Ты шоферу автобуса, Демидову, карточку Ставицкого показывал?

САВЕЛЬЕВ. Не опознает.

ТИХОНОВ. Я так и думал. Теперь, милый, вся надежда у нас с тобой на пассажира.

САВЕЛЬЕВ. Одну минуточку. /Снимает трубку телефона./

Связь? Примите депешку, это Савельев из МУРа. Диктую: Ленинградский уголовный розыск. Телефонграмма. 18 февраля 1925. Прошу установить адрес гражданки Панковой Изабеллы Ильиничны, факт ее болезни и пребывание у нее дочери Панковой Зинаиды Федоровны. Результаты сообщите немедленно. Передал Савельев. Все, девицы, порядок.

/Появляется ШАРАПОВ./

ШАРАПОВ. Слушайте, я сидел сейчас у экспертов...

ТИХОНОВ. Которые мудрят с ее кофточкой?

ШАРАПОВ. Да. Ты знаешь, что такое "негативный след"?

/ТИХОНОВ хмыкает что-то не очень определенное./

Грубо говоря, это появление следа, которого не должно быть. А вот им кажется, что на кофте есть такой след...

САВЕЛЬЕВ. Не понял...

ШАРАПОВ. Объясню. Ты вчера изложил механизм нападения, как ты это себе представляешь и каким он выглядит по материалам дела. Кофта, которую ты передал для исследования, сделана из синтетической широковолокнистой шерсти методом крупной вязки. В этой кофте есть отверстие от шила. Там провели эксперимент: шилами разной формы во многих местах прокалывали кофту и ни разу отверстия в ткани кофты не остались. Понимаешь, ткань этого типа оказывает острию оружия лишь косвенное сопротивление. Она пропускает его между отдельными нитями, которые соскальзывают вдоль иглы шила...

ТИХОНОВ. Но этого не может быть. А может быть, это не шило вовсе, а острая узкая отвертка?..

ШАРАПОВ. Это ближе. Но нам нужен достоверный вывод, а не гипотеза.

ТИХОНОВ. Так.

ШАРАПОВ. Поскольку отгадка, возможно, таится в свойствах ткани, надо обратиться к текстильщикам. Девай, пока не поздно, пошлем наших в лабораторию профессора Левина. Там большие знатоки искусственного волокна. Может быть, они нам все разъяснят. /Снимает трубку телефона./ Алло. Подполковник Шарапов говорит. Будьте любезны, я тут с профессором Левиным стоворился: надо к нему срочно подослать нарочного с кофтой. Что? /Закрывает трубку ладонью./ Экспертизы "налево" сметой не предусмотрены, велят полетаться на собственные оиды... /Открывает мембрану./ Левин это мне бесплатно делает, он мой внук. Нет, нет, это я так, шучу... Простите... Спасибо, сейчас подойду. /Поднялся./ Кто говорит, что в милиции тоже встречаются бюрократы? Ладно, вернусь, продолжим диспут.

/ШАРАПОВ выходит./

САВЕЛЬЕВ. Дед у нас святой человек.

/Звонит телефон./

ТИХОНОВ. Тихонов слушает. Спасибо. Сейчас. Кадровичка к тебе приехала, спустись. У нее голос испуганный.

/САВЕЛЬЕВ выходит. Снова звонит телефон./

Тихонов слушает. Ленинград? Веляйте, я приму для Савельева. Так. Хронически больна. Так. Что с ней? Гипертония... Ясно. Когда выехала? /Смотрит на часы./ Большое спасибо. Хорошо.

/Входит ДЕЖУРНЫЙ./

ДЕЖУРНЫЙ. Твои телефоны заняты, Тихонов, а к тебе шофер автобуса звонил... Демидов, который убийцу опознать может.

ТИХОНОВ. Ну?

ДЕЖУРНЫЙ. Только что видел его у Госспирка. Погнал, го-

ворит, автобус Лампси, а оттуда этот парень в черной куртке с чемоданчиком вышел, которого ты ищешь.

ТИХОНОВ. Мы.

ДЕЖУРНЫЙ. Что?

ТИХОНОВ. Не я, а мы ищем.

/Входит ШАРАПОВ./

ДЕЖУРНЫЙ. Прости. Так вот, значит, он через проходной двор и ушел, как в вечер убийства.

ТИХОНОВ /загибает пальцы, шепчет что-то под нос/. Никуда он не денется, гад, раз крутится в этом районе. /Дежурному./ Спасибо.

/Тот уходит./

ШАРАПОВ. Адресочек знаешь?

ТИХОНОВ. Его?

ШАРАПОВ. Нет, гарнизонной гауптвахты. На случай напому: Семеновская, двадцать шесть.

ТИХОНОВ. Я бы там, между прочим, с удовольствием отдохнул.

ШАРАПОВ. Умница. Сделал дело - отдыхай смело.

ТИХОНОВ. Я сказал - возьмем, значит, возьмем. Не сегодня - так завтра... Слушай, мне тут дали справочку: Хижняк А.Ф. в Москве, Ленинграде и Ровно - там, где в последние месяцы бывала в командировках Аксенова, насчитывается более двухсот человек.

ШАРАПОВ. О чем ты?

ТИХОНОВ. У нее в записной книжке запись - я разве не показывал? Вот - "А.Ф.Хижняк. "Трусость часто бывает детонатором ужасных преступлений..."

ШАРАПОВ. Ну и что? Ты погляди в библиотеке записные

книжки писателя - любого... Ну, того, который, конечно, пишет, а не... Да... Сплошная скриптограмма.

/Входит САВЕЛЬЕВ. Сразу бросается к сейфу. Достает папку с делом. Роется в документах./

ТИХОНОВ. Тебе нужна записочка про "опасное положение"?

САВЕЛЬЕВ. Да.

ТИХОНОВ. Она у меня.

/Они раскладывают на столе записку, найденную у Аксеновой. САВЕЛЬЕВ достает из папки несколько листов бумаги./

САВЕЛЬЕВ. Это ее автобиография... из личного дела.

ШАРАПОВ. А почерк-то совершенно одинаковый.

САВЕЛЬЕВ /ликуя/. Что я говорил?!

ТИХОНОВ. Что ты говорил?

САВЕЛЬЕВ. Я говорил: ревность!

ТИХОНОВ. Тебе предоставляется право встретить мадам Панкову на вокзале: она выехала из Ленинграда только что и завтра будет дома.

ШАРАПОВ. А ты что ехидничаешь, Стас?

ТИХОНОВ. Не то все это... Записочка, "скверная женщина". Стиль не тот для этого дела... Напом пахнет, двадцатью годами...

ШАРАПОВ. Милый мой, бабы и в двадцатые годы следующего века будут такие сюрпризы выковыливать - что ты... Шерше ля фам: Французы-то не дураки: где преступление - ищите женщину...

ТИХОНОВ. Меня сейчас больше занимает мужчина: тот, что в автобусе катается от места убийства до Госцирка - через день подряд в одно и то же время... И вот этот самый Хижняк?

Не смыкается ли это, а?

/Звонит телефон./

ТИХОНОВ. Здесь. А что? Хорошо, передам. /Кладет трубку./ Подполковника Шарапова требуют в прокуратуру.

ШАРАПОВ. На ковер вызывают по этому делу. Молодым везде у нас дорога, а стружку со стариков снимают. Ну, что мне говорить прокурорам?

ТИХОНОВ. Скажи им, дед, что завтра мы возьмем парня в черной куртке.

ШАРАПОВ. А если нет? Мне ведь до пенсии еще три года осталось... /Он усмехается и выходит из кабинета./

ТИХОНОВ. У нас с тобой, Савельев, есть еще около девяти часов - надо успеть.

САВЕЛЬЕВ. Чего успеть?

ТИХОНОВ. Найти "Длинного", в черной куртке и с чемоданчиком.

САВЕЛЬЕВ. Ты что, шутишь?

ТИХОНОВ. Самое время. У тебя дома телефон есть?

САВЕЛЬЕВ. Нет. А что?

ТИХОНОВ. Тогда звони к себе в отделение, скажи, чтоб к жене мотоциклиста послали - предупредить. Дома будешь только завтра. Мне хорошо - я холостой, отчет даю только начальству, а оно в сравнении с самой образцово-показательной женой все равно ангел во плоти... /Достает из стола стопку чистой бумаги, раскладывает на столе./

/САВЕЛЬЕВ встряхивается, зябко пожевывается./

САВЕЛЬЕВ. Стас! А Стас, есть очень хочется...

ТИХОНОВ. Сочувствую, мне тоже. Но я иду на эту жертву, ведь я же в данный момент обрабатываю твою версию жгучей ре-

ности, так что тебе сам бог велел терпеть...

САВЕЛЬЕВ. Давай стоняем в буфет, а? Работать после легче будет.

ТИХОНОВ. Уже закрыто. Теперь буфет по ночам не работает.

САВЕЛЬЕВ. Чего так?

ТИХОНОВ. Не знаю, наверное, в связи с сокращением преступности. А есть действительно убийственно хочется. Представляешь, сейчас бы шашлычок по-карски? А? И бутылочку-другую "Телиани"?

САВЕЛЬЕВ. Ой, не мучь!

ТИХОНОВ. Ничего, потерпишь. Ты еще свой ужин не отработал.

САВЕЛЬЕВ. А что делать?

ТИХОНОВ. Сядись, старик, рядом и, как говорят в Одессе, слушай сюда. Есть у меня идея. Первый раз этого парня видел Демидов в день убийства. И вчера. И сегодня: ровно в полдевятого. И связано это, вероятнее всего, со сменами на работе. Похоже?

САВЕЛЬЕВ. Похоже.

ТИХОНОВ. Теперь надо решить: куда он ездит из Владыкина - домой или на службу. Ты как думаешь?

САВЕЛЬЕВ. Думаю, что на работу.

ТИХОНОВ. Почему?

САВЕЛЬЕВ. Время поездок точное. Кроме того, воскресенье...

ТИХОНОВ. А что воскресенье? Я-то вот думаю, что он с работы ездит. И тоже из-за времени. Как бы это сказать, неурочное оно очень.

САВЕЛЬЕВ. То есть как это — неурочное?

ТИХОНОВ. Вот так. Вечерние смены везде начинаются от пятнадцати до семнадцати часов. Значит, поздно. Ночные — от двадцати двух до двадцати четырех, значит, рано. Убедил?

САВЕЛЬЕВ. Могу принять как гипотезу.

ТИХОНОВ. Договорились. Даю следующую вводную: он должен работать где-то близко.

САВЕЛЬЕВ. А если, наоборот, он приезжает сюда на каком-то другом транспорте и делает пересадку?

ТИХОНОВ. Проверил. На чем он может приехать во Владыкино? Учти при этом, что дальше он едет в центр.

САВЕЛЬЕВ. На восемьдесят третьем автобусе, который идет от Сокола, и электричкой Савеловской железной дороги.

ТИХОНОВ. Автобус не годится: парень едет к цирку, а туда проще добраться этим же маршрутом по Дихоборскому шоссе. А электричкой?

САВЕЛЬЕВ. Нет, не мог. Станция Окружная там действительно недалеко. Но зато от станции к остановке идти проще и ближе по тротуару, чем по пустырю.

ТИХОНОВ. И еще: в это время на Окружной останавливаются только две электрички — в восемь десять и восемь тридцать одну. Так что на демидовский автобус в восемь тридцать семь не попадает — или рано, или поздно приходят поезда. Значит, ясно — работает он где-то близко.

САВЕЛЬЕВ. Резонно.

ТИХОНОВ. Давай думать, где же это "близко". Вот карта района.^{х/} /Включает проектор на стену, показывает указкой./ Убийца шел к остановке по пустырю с северо-запада. Из этого ^{х/} Схема прилагается отдельно.

сектора, который образует Су-Соколовское шоссе, железнодорожная линия и ограда Ботанического сада. Из-за линии он может прийти?

САВЕЛЬЕВ. Нет. Полотно проходит по высокой обледененной насыпи. С той стороны на него и не вскарабкаешься.

ТИХОНОВ. А из Ботанического сада он мог выйти?

САВЕЛЬЕВ. Не думаю. Там, у ворот, на полкилометра ближе есть остановка.

ТИХОНОВ. Итак, вывод?

САВЕЛЬЕВ. Убийца, наверное, шел из глубины Владыкинского массива.

ТИХОНОВ. С работы, заметьте себе, лейтенант Савельев! Теперь вам карты в руки — это ваш район. Расскажите, какие на вашей территории есть предприятия.

САВЕЛЬЕВ. Завод металлоизделий, фабрика, комбинат бытового обслуживания, столовая, шашлычная, один ЖЭК, шесть магазинов и две гостиницы.

ТИХОНОВ. Вот и приступили, благословясь.

/Тремит фонограмма сборища фон Таддена./

З а т е м н е н и е

Кабинет Тихонова. ТИХОНОВ у стола. Утро. Открывается дверь, и САВЕЛЬЕВ пропускает в двери ПАНКОВУ, входит сам.

ПАНКОВА. Учтите, что в двенадцать у меня репетиция.

ТИХОНОВ. Собственно, длительность разговора зависит от вас. Нам-то всего пару вопросов надо задать. Садитесь, пожалуйста.

САВЕЛЬЕВ. Итак, приступим к делу. Расскажите, пожалуйста, что вам известно о взаимоотношениях в семье Ставицких?

ПАНКОВА. Ах, как трудно говорить с посторонними об интимной жизни своих близких!

ТИХОНОВ. Ничего страшного, Зинаида Федоровна. В милиции, в исповедальне и у доктора интимные стороны жизни охраняются профессиональной скромностью собеседника. Так мы вас слушаем.

ПАНКОВА. С Алешенькой Буковой мы дружим уже пятнадцать лет...

САВЕЛЬЕВА. Вы имеете в виду Елену Николаевну?

ПАНКОВА. Да, конечно. Мы все ее так называем. Это тяжкая драма. Развалилось окончательно это теплое доброе человеческое гнездо, созданное тонким интеллектом Буковой и высоким артистизмом Ставицкого. А Алешенька еще надеется...

ТИХОНОВ. А чем вы объясняете уход Ставицкого от жены?

ПАНКОВА. М-м, точно я не могу этого утверждать, но чем вас, интересных женатых мужчин, можно скорее всего совратить с пути истинного? Надо полагать - другая женщина.

ТИХОНОВ. Я только интересный, но не женатый.

ПАНКОВА. Ну, тогда у вас еще все впереди.

САВЕЛЬЕВ. А вы не знаете, где надо искать эту женщину?

ПАНКОВА. Право, затрудняюсь вам сказать. Это ведь только мои догадки.

ТИХОНОВ. И Букова тоже не знает?

ПАНКОВА. Скорее всего - нет. Она бы мне сказала.

ТИХОНОВ. Прекрасно. У меня будет к вам просьба: напишите мне обо всем этом. Можно покороче.

/ТИХОНОВ ходит по кабинету, подошел к окну, не-

громко барабанит пальцами по стеклу, напевая под нос./

«А на нейтральной полосе цветы

Не обычной красоты...»

ПАНКОВА. Все, я написала.

/ САВЕЛЬЕВ подходит к столу, берет у Панковой объяснение, читает, протягивает Тихонову. Тот смотрит, потом довольно улыбается, кладет листок в стол./

ТИХОНОВ. Вот видите, наша беседа заняла меньше часа.

Давайте я вам пропуск отмечу на выход.

ПАНКОВА. Прекрасно. Я как раз успеваю в театр.

/ТИХОНОВ расписывается на пропуске, достает из тумбочки штамп, подышал на него. ПАНКОВА встает. ТИХОНОВ еще раз дыхнул на штамп. Откладывает его в сторону./

ТИХОНОВ. Простите, Зинаида Федоровна, мы забыли задать вам еще один вопрос.

ПАНКОВА. Пожалуйста.

ТИХОНОВ. Вы зачем писали письма с угрозами Тане Аксеновой?

ПАНКОВА. Какие письма? Я... вообще не люблю писать письма, и я не знаю никакой Аксеновой.

ТИХОНОВ. Не знаете?

ПАНКОВА. Боже мой, если вы говорите об истории со Ставицким, то я не имею к этому никакого отношения.

ТИХОНОВ. Вот что, Зинаида Федоровна. Если вы хотите успеть на репетицию, то давайте не будем транжирить наше время. Хотя боюсь, что на репетицию вы сегодня все равно не по-

падете.

ПАНКОВА. Не запугивайте меня! Театральная общественность столицы не допустит!.. Вы еще молоды... /Плечет./

ТИХОНОВ. Чего не допустит театральная общественность? Моей молодости?

ПАНКОВА. Вы - мальчишка!

ТИХОНОВ. Как жаль, что мы не в магазине. Там есть плакаты: "Будьте взаимно вежливы!"

ПАНКОВА. Вы меня напрасно пытаетесь впутать в эту неприглядную историю. И эти ваши милицейские методы...

САВЕЛЬЕВ. Ну-ка, тише! Про методы вы правильно сказали. А вот в скверную историю вы себя сами впутали.

/ТИХОНОВ открывает ящик и раскладывает на столе четыре листа бумаги./

ТИХОНОВ. Вот ваша автобиография из личного дела в театре. Счет за газ из вашей квартиры. Это ваше объяснение, которое вы сейчас написали. А вот это - письмо Татьяне Аксеновой. /Подносит листок к глазам Панковой./

ПАНКОВА. Я ничего не понимаю...

САВЕЛЬЕВ. Понимать нечего. Все бумаги одной рукой написаны.

ПАНКОВА. Ну и что?

ТИХОНОВ. А то, что это ПИСЬМО найдено в столе убитой Татьяны Аксеновой.

ПАНКОВА. Уби-и-той?!

ТИХОНОВ. Да-да, убитой. За три часа до того, как вы поспешно уехали в Ленинград.

ПАНКОВА. Но клянусь вам, это случайность! Ужасное, роковое совпадение! Я действительно писала ей письма, но ниче-

то подобного в мыслях не имела.

/ПАНКОВА рыдает. САВЕЛЬЕВ наливает ей в стакан воды, дает выпить, отворачивается к окну./

ТИХОНОВ. Вы успокоились? Давайте продолжим. Но учтите: если вы будете снова лгать, то уж сами - как вы писали Тане - "поставите себя в весьма опасное положение".

ПАНКОВА. Но зачем вы так грубо со мной говорите? Вы же воспитанный человек...

ТИХОНОВ. А вы бы хотели, чтобы я вас называл тетей Зиной и шаркал ножкой? Это уж увольте! Вы что-то не очень раздумывали об этике, когда писали Аксеновой письмо с весьма прозрачными угрозами. А человек этот погиб. Так что обойдемся без реверансов. Нам нужна правда. Намерены ли вы говорить только правду?

/ПАНКОВА кивает./

САВЕЛЬЕВ. Зачем вы писали письмо?

ПАНКОВА. Лена была так несчастна! И она надеялась, что, если эта женщина оставит Костю в покое, он вернется домой.

ТИХОНОВ. Вы снова говорите неправду.

ПАНКОВА. Но почему?

ТИХОНОВ. Это... это одеяло лжи из локутов правды. Вы прекрасно знаете, что Таня была не в курсе семейных дел Ставицкого. И специально информировали ее письмом. После этого Таня указала Ставицкому на дверь. Поэтому говорить о том, чтобы она "оставила его в покое" - нелепо. Правильно?

ПАНКОВА. Ну, значит, я оговорилась. Это же принципиально!

ТИХОНОВ. Нет, принципиально. Вы ведь рассчитывали, что, получив письмо с угрозами, Таня испугается и заставит Ставиц-

кого вернуться к Буковой. Так?

ПАНКОВА. Ах, может быть, и так! Но я же, ей-богу, действовала из лучших соображений. Я хотела восстановить семью. Кто мог знать, что...

ТИХОНОВ. Что? Кончится убийством?

ПАНКОВА. Я не имею к этому никакого отношения. Ведь это так страшно - убить человека...

ТИХОНОВ. Боюсь, что вы не очень хорошо представляете, как это страшно - убить человека. Вы мне лучше скажите, кто мог совершить это убийство в интересах Буковой?

ПАНКОВА. Клянусь, я не знаю!..

ТИХОНОВ. Ладно, допустим. Но ведь у Буковой есть сейчас мужчина, который готов ради нее на все? Так сказать, поклонник?

ПАНКОВА. Да, есть. Но я его видела всего несколько раз.

ТИХОНОВ. А что, Букова его скрывает?

ПАНКОВА. Нет, он мне просто не понравился.

ТИХОНОВ. Подробнее.

ПАНКОВА. Ну, у него какие-то скверные манеры, очень резухабистый. Вообще он какой-то отчаянный. И... нетрезвый! И совсем не нашего круга.

САВЕЛЬЕВ. Как он выглядит?

ПАНКОВА. Высокий, худощавый, шатен...

/В кабинет входит ШАРАПОВ, стоит за спиной Панковой. ТИХОНОВ, не прерывая допроса, показывает ему рукой, чтобы он сел./

САВЕЛЬЕВ. Как его зовут?

ПАНКОВА. Ника. По-моему, Ника. или Кока...

ТИХОНОВ. Его зовут Никита Казанцев?

ПАНКОВА. Наверное! Полного имени я не знаю, но она его звала Ника.

ТИХОНОВ. Подождите в коридоре, пожалуйста. Я скоро вас позову.

/ПАНКОВА выходит./

Через полчаса, Владимир Иванович, сможешь побеседовать с Никитой Казанцевым, Савельев, поезжай за ним. Будем брать сразу.

/САВЕЛЬЕВ быстро уходит./

ШАРАПОВ. Но-о! Нашел-таки?

ТИХОНОВ. Я его вычислил.

ШАРАПОВ. Чего?

ТИХОНОВ. Вычислил, говорю. Как Леверье планету Нептун на кончике телефонного диска!

ШАРАПОВ. Ну-ка, ну-ка...

ТИХОНОВ. Методом исключений. Мы с Савельевым наметили зону поиска исходя из того, что парень в черной куртке ездит из Владыкина с работы. Стали проверять предприятия. Начали с завода металлоизделий. Служащие уходят в пять, вторая смена заступает в четыре. Отпало. Взяли фабрику головных уборов "Свободный труд". Работает этот гигант легкой индустрии до семнадцати часов, после чего запирается на замок. Потом началась эпопея с магазинами. А их - шесть штук. Ужас! С промышленными и культтоварными, правда, все обошлось быстро: в воскресенье они выходные. В булочной всего две продавщицы. В предметах - время не совпадает, к тому же в одном из них работают только женщины. Столовая закрывается в девятнадцать. Умерло. Шешлычная - до пол-одиннадцатого. Дошли до комбината бытового обслуживания - закрывается в семь. Точка. Тогда на-

стал черед гостиниц. Тут прямо мне нехорошо стало: около двух тысяч работников. Узнаем: дежурные рабочие — электромеханики и радиомастера — работают в две смены, в том числе с полпервого до двадцати тридцати. Наконец-то! Начали с "Байкала" — ближе к автобусной остановке. Нашлось там таких дежурных двенадцать человек. Кто работает во вторую смену? Шесть. Скольким из них до тридцати лет? Четверым. Кто длинный? Двое. Кто такие, где живут? Кто в черной куртке ходит? Один — в соседнем доме живет и в синем пальто шеголяет. А радиомастер Никита Александрович Казанцев — в Большом Сухареvском переулке, дом тридцать шесть, квартира семьдесят девять — в пяти минутах ходьбы от остановки двадцать четвертого автобуса "Госцирка". И в черной куртке, и с чемоданчиком. Вот так!

ШАРАПОВ /качает головой/. Молодцы! Нептун, одно слово.

/Вопль, свист, речь Тэдлена./

З а т е м н е н и е

Кабинет Тихонова. Стук в дверь. САВЕЛЬЕВ вводит высокого парня в черном пальто. САВЕЛЬЕВ, помахивая чемоданчиком, берет его под локоть.

САВЕЛЬЕВ. Вы проходите, проходите. Присяживайтесь. Беседовать-то долго придется.

КАЗАНЦЕВ. Не хватайте руками! Не глухой.

САВЕЛЬЕВ. Вот и хорошо. Садитесь, с товарищами толковать удобнее будет.

КАЗАНЦЕВ. Всю жизнь мечтал.

ШАРАПОВ. Что в чемоданчике носите, молодой человек?

КАЗАНЦЕВ. А вам что до этого? Все мое, вы там ничего не забыли.

ШАРАПОВ. А чего держите?

КАЗАНЦЕВ. А вы привыкли, что здесь перед вами все сразу в слезы - "только отпустите, ради бога".

ШАРАПОВ. Не т. Кому бояться нечего - с теми легко без слез обходится. Так что в чемоданчике?

КАЗАНЦЕВ. Возьмите у прокурора ордер на обыск и смотрите.

ШАРАПОВ. Постановление. Не ордер называется, а постановление. А прокурор, наверное, сейчас сам пожелует. С вами знакомиться, специально.

/КАЗАНЦЕВ вскакивает, шелкает никелированными замками лежащего на столе чемоданчика, откидывает крышку. ТИХОНОВ быстро выхватывает тонкую длинную отвертку./

ТИХОНОВ. Вот оно, шило!..

КАЗАНЦЕВ. Это не шило, а радиоотвертка.

ТИХОНОВ. Знаю, знаю, гражданин Казанцев! Это мы поначалу думали, что шило. /Савельеву./ Подготовьте для Панковой опознание.

/САВЕЛЬЕВ выходит и приводит двух молодых людей, которых усаживает рядом с Казанцевым. Затем вводит ПАНКОВУ./

Посмотрите внимательно на этих людей. Успокойтесь, не волнуйтесь. Вспомните, знаете ли вы кого-нибудь из них?

/ПАНКОВА долго переводит взгляд с одного на другого, потом на третьего./

ПАНКОВА. Не-ет. Я никого из них не знаю. Ники здесь наверняка нет...

ТИХОНОВ. Спасибо. Вы подождите еще немного в коридоре.

/ПАНКОВА выходит./

Где Демидов?

ШАРАПОВ. Кто?

ТИХОНОВ. Водитель автобуса...

САВЕЛЬЕВ. Он его по карточке опознал - я уж послал людей из отделения, скоро сам придет. Вот так, Никита, мой дорогой...

КАЗАНЦЕВ. Я с вами на брудершафт не пил, ясно?

САВЕЛЬЕВ. Прошу простить.

/Звонит телефон./

ТИХОНОВ. Тихонов. Здесь. /Передает трубку Шаряпову./
Тебя, батя.

ШАРАПОВ. Шаряпов. Добрый день, профессор. Что?! Так... так... так... Ясно... Это точно? Абсолютно? Так... Спасибо. /Кладет трубку./ Гражданин Казанцев, простите пожалуйста, вам придется минут пять подождать в коридоре, а потом вас отвезут домой...

/КАЗАНЦЕВ поднимается, берет свой чемодан. САВЕЛЬЕВ не хочет отдавать чемодан./

САВЕЛЬЕВ. Стоп, стоп!

ШАРАПОВ. Савельев! Отдайте чемодан!..

/КАЗАНЦЕВ выходит./

Так вот. По данным экспертизы профессора Левина ткань кофточки Татьяны Ансеновой повреждена отнюдь не шилом. И не радиоотверткой. Края отверстия оплавлены. Пуля. Это была пуля!..

/Звучит рев голосов, бравурный марш, речь

фон Таддене./

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Кабинет Тихонова. ШАРАПОВ сидит на углу стола. Он достает из кармана пачку сигарет, закуривает одну. Отворяется дверь, входит ТИХОНОВ в пальто.

ТИХОНОВ. Калибр пять и шесть.

ШАРАПОВ. Да-а. Пять и шесть. Доктор Александров уже дал заключение. Произошел редкий казус. Пуля пробилась сердце, перикард, ударилась в ребро, скользнула по нему вниз, раздвинула межреберные мышцы и там застряла. /Берет со стола лист./ Вот, Александров прямо пишет: "След от пули на ребре эксперт принял за конец раневого канала с осаднением от острия оружия".

ТИХОНОВ. Ясно. Картина происшествия сбивает первого эксперта с толку: шла женщина, ее обогнал парень, после этого она упала. Все ясно. Редко, но бывает и такое. Еще какие-нибудь выводы профессор сделал?

ШАРАПОВ. Два. Во-первых, что смерть наступила мгновенно от паралича сердца. Следовательно, больше, чем один-два шага Теня после выстрела сделать не могла. Во-вторых, стреляли, по-видимому, издалека, поскольку полностью отсутствуют

характерные следы близкого выстрела. Вот, в общем, и все.

ТИХОНОВ. Батя, я тут без тебя провернул одну партизанскую акцию. Когда я понял, что в Аксенову стреляли, я определил направление выстрела экспериментально!

ШАРАПОВ. Как это?

ТИХОНОВ. Весь сегодняшний день я провел с ребятами из НТО. Они мне сделали из парафина бюст человека - "фантом" называется. Вот я и использовал этот фантом для следственного эксперимента. По материалам осмотра места происшествия мы точно восстановили положение Аксеновой в момент выстрела. Медицинский эксперт обозначил в фантоме раневой канал и вставил в него трубку. Через эту трубку мы провизировали траекторию полета пули над пустырем и получили место, откуда стреляли.

ШАРАПОВ. Сомнительно что-то...

ТИХОНОВ. Сомнительно там или не сомнительно, а вот баллисты теперь утверждают, что выстрелить могли только из этих трех окон. Смотри. /Выключает свет и проецирует на сцену план гостиницы./

ШАРАПОВ. Та-ак. Из каких же окон?

ТИХОНОВ. Левый блок, третий этаж, номера пятьдесят восемь, пятьдесят девять и окно лестничной клетки. Вот эти.

ШАРАПОВ. Кто живет в этих номерах?

ТИХОНОВ. В номере пятьдесят восемь проживает инженер-строитель из Львова Казаков Лев Алексеевич, и главный бухгалтер из Кромска, Лагунов Дмитрий Михайлович. В пятьдесят девятом номере - врач из Кинешмы, Александр Павлович Попов, с супругой. Все они проживали в своих номерах и в прошлое воскресенье. И кто-то, еще нам не известный, мог выстрелить из

третьего окна на лестнице.

ШАРАПОВ. Соображения?

ТИХОНОВ. Казакова и Лагунова я еще не видел - они со своими командировочными радостями возвращаются около пяти. С Поповыми разговаривал.

ШАРАПОВ. Что-нибудь интересное есть?

ТИХОНОВ. Есть. Варенье. Любишь вишневое варенье?

ШАРАПОВ. Чего-о?

ТИХОНОВ. Варенья, говорю, вкусного целое ведро есть. Приглашали еще заходить.

ШАРАПОВ. Тебя все на сладкое тянет. А кроме варенья, что интересного?

ТИХОНОВ. Он в институт усовершенствования приехал, диссертацию защищать, а докторша - болеть за него. Я специально для тебя даже записал тему диссертации - запомнить не смог. "Состояние гипоталамо-гипофизарнотиреоидной системы при воздействии ионизирующего излучения". Во!

ШАРАПОВ. Что ж, тоже красиво. Гипоталам - был бог, кажется?

ТИХОНОВ. Ой, шеф, ты меня уморил. Бог был Иименей, которому пели эпитедему.

ШАРАПОВ. Чего ты речочешь как жеребец? Некогда было мне эту ерунду древнюю изучать. Ты после учебы с девчонками в оперы ходил да на танды, а я учебники на дежурствах между операциями читал. Ты еще лейтенантских звездочек не нюхал, когда я "Почетного чекиста" получил! Ишь, тоже мне Леберье отыскался...

ТИХОНОВ. Батя, не воздвигай искусственной проблемы отцов и детей!

ШАРАПОВ. Тоже мне ребеночек! Животик не болит от вшивого варенья? Я ж тебя знаю - сметал, наверное, полведра.

ТИХОНОВ. Ну-у, бэтя, ты не прав. Я же сластей вообще не ем!

ШАРАПОВ. Ладно, ладно, давай дальше.

ТИХОНОВ. Дальше - окно на лестнице. Вот окно это мне не нравится. Лестничная клетка находится в конце коридора, и выход на нее из бокового прохода. Этакий аппендикс. Площадка из коридора не просматривается. Лестницей пользуется в основном обслуживающий персонал - горничные, монтеры, слесари. По существу, это черный ход. Выходит он во двор гостиницы. Дверь внизу обычно запирают в десять вечера. Наверху лестница переходит в чердачную площадку. Надеялся я все-таки стрельную тильзу найти - нет ничего. Сейчас буду беседовать с Казаковым этим и с Лагуновым. А лестницей еще придется заниматься...

З а т е м н е н и е

Кабинет Тихонова. Сейчас здесь ТИХОНОВ и КАЗАКОВ.

КАЗАКОВ. Я вам объясню, из-за чего произошло убийство.

ТИХОНОВ. Буду вам весьма признателен...

КАЗАКОВ. Не надо быть всевидящим пророком, чтобы объяснить, из-за чего могли убить молодую интересную женщину. Любовь. Проклятье семьи. Ревность. Да-да, любовь! Это страшная штука, должен вам заметить. Меня самого однажды чуть не убили из ревности. Это я вам серьезно говорю. У меня был острый роман в Смоленске, Неповторимая дама! Волшебный экстерьер-

ар! Я не женился на ней случайно. Когда я уехал из Могилева в Минск...

ТИХОНОВ. Вы же сказали, что в Смоленске...

КАЗАКОВ. Да, но ведь мне потом пришлось перевестись в Могилев, и она приезжала ко мне. О, эти незабываемые прощания и встречи на вокзале! Я получил тогда строгача с понижением в должности...

ТИХОНОВ. За прощания на вокзале?

КАЗАКОВ. Нет, к сожалению, за встречи. А вы смеетесь.

Зря, зря, товарищ Тихонов. Ваше лицо мне симпатично, поэтому я с вами так откровенен. Скажу вам тет-а-тет, как мужчине мужчине: сколько я горел из-за женщин! Как горел, боже мой! С дымом, с треском! Но не могу я бороться с чувством прекрасного в себе!

ТИХОНОВ. И давно вам так тяжело?

КАЗАКОВ. Первый выговор я схлопотал лет двадцать назад.

ТИХОНОВ /участливо/. Просто вам надо жениться по любви.

КАЗАКОВ. Ах, я уже четырежды был женат по любви.

ТИХОНОВ. Слушайте, Казиков, у вас не сердце, а дворец бракосочетаний. Вам бы энергию да на мирные цели...

КАЗАКОВ. Интерес к женщинам — стимул любого творчества. Все великие люди были равнодушны к женщинам — Леонардо да Винчи и Монферран, Петр Первый и Наполеон, Пушкин и Толстой. Это же достоверный факт!

ТИХОНОВ. А вы, мол, замыкаете этот славный ряд?

КАЗАКОВ. Я не Монферран и не Наполеон...

ТИХОНОВ. Заметил...

КАЗАКОВ. Но и Лев Алексеевич Казиков имеет перед человеком заслуги.

ТИХОНОВ. По части?

/КАЗАКОВ достает из портфеля папку. Из папки высыпаются почетные грамоты, дипломы, вырезки из газет. Среди бумаг лежит фотография еще совсем молодой, очень красивой женщины./

КАЗАКОВ. Это моя супруга.

ТИХОНОВ. Четвертая?

КАЗАКОВ. Практически...

ТИХОНОВ. А теоретически?

КАЗАКОВ. Видите ли, сложные житейские обстоятельства помешали нам с четвертой женой оформить брак официально.

ТИХОНОВ. Строгач или понижение?

КАЗАКОВ. Перевыбросили на сельское строительство на Львовщину.

ТИХОНОВ. Там вы и познакомились со своей нынешней пятой супругой?

КАЗАКОВ. Да, ее папа, мой тесть, начальник межрайонной конторы "Сальэлектро"...

ТИХОНОВ. По-моему, Львов в нескольких часах езды от Ровно?

КАЗАКОВ. Что вы сказали?

ТИХОНОВ. Я спросил - сколько от Львова до Ровно?

КАЗАКОВ. Несколько часов. А что?

ТИХОНОВ. А то, что я хочу узнать, как вы провели вечер прошлого воскресенья?

КАЗАКОВ. Вечер? Прошлого воскресенья?

ТИХОНОВ. Да-да, именно вечер прошлого воскресенья. И подробнее.

КАЗАКОВ /думает над каждым словом, говорит медленно/.

Часов в пять я уехал из гостиницы. Походил в городе по магазинам, потом поехал к друзьям в гости.

ТИХОНОВ. Когда вернулись в гостиницу?

КАЗАКОВ. Было уже поздно, но время я не заметил.

ТИХОНОВ. Сколько времени вы ходили по магазинам?

КАЗАКОВ. Часов до восьми.

ТИХОНОВ. В каких магазинах побывали, если не секрет?

КАЗАКОВ. В Марьинском универсаме, в комиссионном магазине на Октябрьской улице, потом в комиссионке на Колхозной, еще в нескольких... Вот жене сумку купил. /Достает из необъяснимого портфеля сумку./

/ТИХОНОВ вертит ее в руках, рассматривает, откидывается в кресле./

ТИХОНОВ. Приятно поговорить с вами, Лев Алексеевич.

КАЗАКОВ. Почему?

ТИХОНОВ. Вот почему. Вернулся один человек из отпуска и рассказывает друзьям - как только, говорит, я приехал в Кисловодск, так сразу же пошел на море и искупался. Позвольте, говорят друзья, ведь в Кисловодске же нет моря! Так вот, я не знал, что в Кисловодске нет моря, пошел и искупался, отвечает курортник. Правда, смешно?

КАЗАКОВ. Смешно. Но какое это имеет...

ТИХОНОВ. Отношение? Прямое. По воскресеньям промтоварные магазины в Москве закрыты. А вы не знали, пошли и купили сумку. Смешно?

/КАЗАКОВ нервно вытирает губы концом своего элегантного галстука. ТИХОНОВ невозмутимо крутит в руках сумку./

КАЗАКОВ. Простите, я, видимо, перепутал. Да-да, я ку-

пил сумку в понедельник.

ТИХОНОВ. А к друзьям тоже в понедельник ездили?

КАЗАКОВ. Не-ет, в гостях я был в воскресенье...

ТИХОНОВ. Кто ваши друзья? Где они живут?

КАЗАКОВ. Их фамилия Алешины. Они живут на юго-западе.

ТИХОНОВ. Телефон есть?

КАЗАКОВ. Должны скоро установить.

ТИХОНОВ. Когда вы приехали к ним и сколько там пробы-
ли?

КАЗАКОВ. Около шести. А уехал поздновато.

ТИХОНОВ. Они, наверное, смогут подтвердить, что вы про-
вели у них весь вечер?

/КАЗАКОВ ерзает. Он рвывает узел талстука до
отказа, потом растягивает его совсем, отстегивает
верхнюю пуговицу сорочки, снова подтянул
узел./

Вы сейчас помните свой прекрасный талстук. Так как же насчет
Алешиных?

КАЗАКОВ. Я вам могу поклясться честью, что я провел
там весь вечер, но мне бы очень не хотелось, чтобы вы этот
факт у них проверяли!

ТИХОНОВ. Это почему же?

КАЗАКОВ. Вы же интеллигентный человек! Вы понимаете,
что всем всего не расскажешь. Вы же знаете, что приход может
быть неправильно истолкован. Представляете, как это звучит
для простых людей, где-то немножко обывателей, — о друге до-
ма спрашивают из МУРа! Ведь это же не просто. Это же МУР!
Это звучит как!

ТИХОНОВ. Гордо! Но доводы ваши я считаю неубедительны-

ми. Тем более что честному человеку нечего бояться, если официальное лицо наводит справки во имя закона. Поэтому нам придется вместе поехать сегодня к Алешиным.

КАЗАКОВ. Но это невозможно!

ТИХОНОВ. Возможно. Я вам это точно говорю.

КАЗАКОВ. Но дело в том, что Алешина сейчас нет дома.

ТИХОНОВ. А где же он?

КАЗАКОВ. В командировке...

ТИХОНОВ. А где же вы были тогда?..

КАЗАКОВ. Я же говорю - в гостях у Алешиных.

ТИХОНОВ. Вы уж формулируйте тогда точно - у Алешиной, а не у Алешиных.

КАЗАКОВ. У Алешиной.

ТИХОНОВ. И все-таки, Лев Алексеевич, я должен вас оторчить: к Алешиной нам сегодня придется поехать.

КАЗАКОВ. Но вы убедитесь, что все это ерунда, и сами же потом будете смеяться.

ТИХОНОВ. Может быть. Но, как говорит мой начальник, хорошо смеется тот, кто смеется без последствий...

З а т е м н е н и е

Тот же кабинет на Петровке, 38. ТИХОНОВ разговаривает с ЛАГУНОВЫМ.

ЛАГУНОВ. ...Нет, дорогой мой, у вас архаические представления о нынешней периферии! Небоскребы у нас не строят, как на Кутузовском проспекте, скоростную химчистку налаживают второй год - это все верно. Но вот вы, столичные жите-

ли, всегда немного кокетничаете с нами, провинциалами: "Ах, у нас такая спешка всегда, такой ритм жизни бешеный!" Так ритм - что? Уже давно нужны другие категории, другие определения. Я бы сказал, что надо нынешнюю жизнь мерять ее наполнением, насыщенностью... Да и ребята у нас сейчас хорошо растут, грамотнее нас, глубже жизнь знают хотят. Мне тут как-то племянник жены - семнадцать лет парню - говорит: "Дядя, а где бы взять почитать Пруста?" Я ему - снисходительно так: "Вон в шкафу пятитомник стоит. Почитай сначала "Фараона" - отличная вещь". Помолчал Алеха, потом говорит: "Я Болеслава Пруста читал, я про Марселя Пруста спрашиваю". Бах! Я чуть со стыда не сторел. А ведь мы их воспитывать должны. Да, видать, чтобы кого-то воспитывать, надо самому учиться здорово. А где время взять? У меня вон целая программа намечена была, а за все время один раз в Большом театре побывал. Вот как раз в тот день, когда ее убили. Пришел из театра, мне горничная сразу рассказала. В понедельник прошлый, кажется?

ТИХОНОВ. Женщину убили в воскресенье.

ЛАГУНОВ. В воскресенье? По-моему, в понедельник это было. Хотя, чего гадать, у меня же билет, наверное, остался, сейчас посмотрим. Жене для отчета все храню... Так, так, вот программка музыкального ревью, это билет на выставку Юона, багаж, квитанция. Ага, вот он, голубчик. Так, багаж, так вот - 14 февраля. /Затирает пальцы./ Сегодня - восемнадцатое, вчера - семнадцатое... Точно - четырнадцатого числа было воскресенье.

ТИХОНОВ. А спектакль хороший был?

ЛАГУНОВ. Отличный. "Князя Игоря" давали. Великолепно все это - в музыке такая мощь, что после спектакля чувству-

ешь себя причастившимся к великой силе духа. Я бы детей-школьников в обязательном порядке водил на эту оперу.

ТИХОНОВ. Исполнители поуже стали. Кто Кончака-то поет сейчас?

ЛАГУНОВ. Ве дерников. Хороший он певец, но кто Максима Дормидонтовича Михайлова слышал, тот может сказать, что был знаком с половецким ханом лично. И все-таки здорово - большое удовольствие получил!

ТИХОНОВ. Дмитрий Михайлович, а когда вы узнали про убийство?

ЛАГУНОВ. Да сразу же! Как пришел я за ключом - времени уже около одиннадцати было - мне горничная Ханя и рассказала. Минут за десять до этого тело увезли, а они все - горничные - в окна глядели.

ТИХОНОВ. А в город вы уехали задолго до убийства? Ничего тут не замечали?

ЛАГУНОВ. Так я ведь не знаю, когда убили-то. Мне потом рассказали, что в гостинице шум поднялся, когда ее нашли, - около десяти, что ли. А мы с Львом Алексеевичем в пять уехали.

ТИХОНОВ. Лев Алексеевич-то куда поехал?

ЛАГУНОВ. Видите ли, мы договорились ехать в половине шестого, но в пять ему позвонили и он куда-то заторопился. А мне надо было жене письмо написать, он не стал меня ждать и уехал. Минут через десять-пятнадцать поехал и я.

ТИХОНОВ. Значит, вы запирали номер?

ЛАГУНОВ. Да, конечно.

ТИХОНОВ. А кому из дежурных сдали ключ?

ЛАГУНОВ. Ну, я этого уж не помню. Сами посудите - сколь-

но их там. А вечером я взял ключ у Хани. Это я точно запомнил, потому что именно она рассказала мне про убийство.

ТИХОНОВ. А когда приехал Казаков?

ЛАГУНОВ. Затрудняюсь сказать. Но наверняка поздно. Я еще, помню, дослушивал последние известия по радио, потом почитал с часок и заснул.

ТИХОНОВ. Вы не слышали, когда Казаков вошел?

ЛАГУНОВ. Слышал. Я проснулся на мгновение, он мне еще сказал: "Тише, тише. Все в порядке, свои". И я снова уснул.

ТИХОНОВ. Он вам не показался взволнованным?

ЛАГУНОВ. Знаете ли, спросонья, да еще в темноте, определить нюансы душевного состояния я не берусь.

ТИХОНОВ. Домой скоро собираетесь?

ЛАГУНОВ. У меня уже и дела-то все закончены, билет домой заказан. У нас на Орловщине сейчас самая подленькая рыбалка идет. Хочу успеть...

ТИХОНОВ. Ну, до свиданья, счастливо вам.

ЛАГУНОВ. Всего хорошего. Если будете в наших местах - заезжайте.

ТИХОНОВ. Будет возможность - с удовольствием. Спасибо.

З а т е м н е н и е

Кабинет на Петровке. САВЕЛЬЕВ и ГАФУРОВА, дежурная по этажу.

САВЕЛЬЕВ. Скажите, пожалуйста, вы работали на этаже в то воскресенье?

ГАФУРОВА. Мы работали. Сутки дежури́м, а потом трое сво-

бодны. В воскресенье как раз мы и работали.

САВЕЛЬЕВ. Кто из жильцов пятьдесят восьмого номера сдавал вечером ключи?

ГАФУРОВА. Ой, кто же это запомнит? У меня сорок номеров, да и время не стояла — неделя почти прошла.

САВЕЛЬЕВ. А кто первый вернулся в гостиницу?

ГАФУРОВА. Летунов первая пришел. Очень веселая был, все песню напевал, из театра пришел.

САВЕЛЬЕВ. Кто веселая?

ГАФУРОВА. Летунов. Все пела, тихо, правда: "О дай-ка, дай-ка мне свободу".

САВЕЛЬЕВ. А Казачков когда пришел?

ГАФУРОВА. Задремал я, не слышал. Но шибко поздно было, я в три часа задремал.

САВЕЛЬЕВ. Не боитесь, что гостиницу из-под носа украдут?

ГАФУРОВА. Не. У нас кража никогда не был.

САВЕЛЬЕВ. Удивительно, что не было. А никто не приходил в этот день к жильцам в пятьдесят восьмой номер?

ГАФУРОВА. Может быть, приходил. Не видела я. У нас учет сейчас — шибко дел много. Мы только в полночь смотрим, чтоб чужие женщины в номерах не бывали.

САВЕЛЬЕВ. А как вы определяете: свои или чужие?

ГАФУРОВА. Все непроживающие — это чужие.

САВЕЛЬЕВ. Ну, спасибо. Можете идти.

/ГАФУРОВА уходит./

/Снимает телефонную трубку, набирает две цифры./ Абонированный "Голубая звезда". Дайте телефон репертуарной части Большого театра. Есть, записываю. Отбой. /Набирает номер./ Большой? Добрый день. Из милиции говорят. Сообщите, пожалуйста,

какой спектакль шел четырнадцатого числа на основной сцене. "Игорь"? Прекрасно. Заодно уж подскажите, кто пел партию Кончака? Вадерников? Хорошо! А замен не было? Нет? Когда оканчивается спектакль? Отлично. Всего доброго.

/Входит ТИХОНОВ./

ТИХОНОВ. К Лагунову больше вопросов не имеем. Ты, Савельев, поезжай по всем отделениям вокруг гостиницы, для очистки совести все еще раз просмотри - самые мелочи... А с Львом Алексеевичем мы сейчас продолжим беседу.

З а т е м н е н и е

Кабинет Тихонова. Напротив него - КАЗАКОВ.

КАЗАКОВ. Но поймите же, товарищ Тихонов, вы ставите меня в дикое положение. И женщину тоже!

ТИХОНОВ. Да?

КАЗАКОВ. Да...

ТИХОНОВ. Слушайте, а почему вы в воскресенье Лагунова не дождался и ушли из номера?

КАЗАКОВ. Он писал письмо жене. А я человек моторный, мне ждать кого бы то и чего бы то ни было - мучительно. Тем более, Пуся звонила.

ТИХОНОВ. Какая еще Пуся?

КАЗАКОВ. Та самая. Пуся Алешина.

/Стук в дверь./

ТИХОНОВ. Войдите.

/Входит АЛЕШИНА./

КАЗАКОВ. Пусенька, помнишь в то воскресенье, когда...

ТИХОНОВ. Минуточку. Вопросы здесь задаю я. Садитесь, пожалуйста, гражданка Алешина.

АЛЕШИНА. Спасибо.

ТИХОНОВ. Вы этого гражданина знаете?

АЛЕШИНА. Знаю.

ТИХОНОВ. Как хорошо?

АЛЕШИНА. Он наш друг.

ТИХОНОВ. Чей именно?

АЛЕШИНА. Моего мужа и мой...

ТИХОНОВ. В воскресенье, четырнадцатого февраля, Казаков провел у вас вечер?

КАЗАКОВ. Я же говорю ему, что был у тебя до трех...

ТИХОНОВ. Казаков! Когда он пришел к вам, когда ушел, видел ли его кто-нибудь еще?

АЛЕША. Я замужняя женщина... инженер-экономист... Он навещал нас только днем, когда дома был Игорек...

ТИХОНОВ. Кто?

АЛЕШИНА. Мой муж.

ТИХОНОВ. Так когда же к вам пришел Казаков?

АЛЕШИНА. Он у меня одной никогда не был!

КАЗАКОВ. Пусенька!

ТИХОНОВ. Отнеситесь к вашему ответу серьезно: речь-то идет об убийстве...

КАЗАКОВ. Пуся, убили женщину!

ТИХОНОВ. Казаков!

АЛЕШИНА. Позвольте, позвольте, товарищ Казаков!.. При чем здесь я?! Какое вы имеете право втягивать меня в гнусные истории?!

КАЗАКОВ. Я тебя втягивал?!

ТИХОНОВ. Тихо!

АЛЕШИНА. Я к вам на работу напишу о вашем недостойном поведении, гражданин Казиков!

КАЗАКОВ. Я - гражданин? Товарищ Тихонов, я стал гражданином, я всегда был для нее Львенком! Что ж это такое, товарищи!

ТИХОНОВ. Я повторяю свой вопрос, гражданка Алешина, был ли у вас Казиков четырнадцатого февраля, в воскресенье, начиная с шести часов вечера?

АЛЕШИНА. Нет, и еще раз нет! Я не какая-нибудь прости господи... Я жена, я инженер-экономист. И я никогда не думала, что Казиков посмеет прикрывать мною и моим домом свои преступления...

ТИХОНОВ. У вас лифтер в доме есть?

АЛЕШИНА. А при чем здесь лифтер?

ТИХОНОВ. Ничего... Я просто спрашиваю...

КАЗАКОВ. Ой, я все понял, я скажу подробности про ее тело!

ТИХОНОВ. Казиков!

АЛЕШИНА. Не годяй!

КАЗАКОВ. Товарищ Тихонов, не обижайтесь, но если я знаю подробности, то как я их мог узнать? При муже за тарелкой лепши с фрикадельками?! Алешина, признайся добром!

АЛЕШИНА. Не годяй! Карлик! Предатель! Я люблю моего мужа, я прошу верить мне, что этот тип у меня не был!

ТИХОНОВ. Так вот я что-то не верю... А гнусно все это сверх меры. Подождите в коридоре, гражданка Алешина...

/АЛЕШИНА уходит./

КАЗАКОВ. Что теперь будет?

ТИХОНОВ. Плохо теперь будет.

КАЗАКОВ. Но я же знаю интимные подробности...

ТИХОНОВ. Казаков, Казаков...

КАЗАКОВ. У нас с ней было серьезно... Клянусь вам честью, была любовь...

ТИХОНОВ. Я не любитель доносов, но если вы хоть раз посмеете произнести слово "любовь", я негашу вашей пятой жене подробное письмо, папочка...

КАЗАКОВ. Не буду... Можно идти?

ТИХОНОВ. Нет, Казаков... Придется подождать.

З а т е м н е н и е

Кабинет Тихонова. ТИХОНОВ сидит за столом и быстро пишет. Входит САВЕЛЬЕВ, в руках у него длинный сверток. ТИХОНОВ поднимает голову, здоровается и продолжает дальше писать.

ТИХОНОВ. Здорово.

САВЕЛЬЕВ. Здравствуй, Тихонов. Слушай, я вроде бы винтовку ту самую нашел. И пацана привез, поговорить с ним надо.

ТИХОНОВ. Какого пацана? Какую винтовку?

САВЕЛЬЕВ. Ну, я, значит, вчера еще раз по' всем отделениям пошел. В сто тридцать седьмое пришел как раз на инструктаж постовых перед разводом. А там сюрприз: патрульный милиционер Волков пернишку с винтарем задержал, по птицам палил. Маленький пацаненок, Гафуров Муртаза. Я спрашиваю Волкова:

"Где стрелок-то?" А он говорит: "Матери его отдел, она в гостинице работает". Я - туда. А это наша свидетельница - Ханифе Гафурова... На этаже дежурила в день убийства.

ТИХОНОВ. Значит, этот пацаненок, играя, в Аксенову-то и пульнул? Ай-яй-яй...

САВЕЛЬЕВ. Черт его знает. Он отказывается.

ТИХОНОВ. Ну, давай его сюда.

/САВЕЛЬЕВ вводит мальчишку лет четырнадцати. Он молча проходит к указанному Тихоновым стулу, садится, закрывает глаза и неожиданно громко начинает реветь./

Ну, хватит, что ли? Ты где это таким фокусам научился?

МУРТАЗА. Нигде. Только не бейте, дяденька!

ТИХОНОВ. Что-о?

МУРТАЗА. Не бейте, говорю.

ТИХОНОВ. Ладно, не буду. Все расскажешь?

МУРТАЗА. Конечно, а как же!

ТИХОНОВ. Ну, давай.

МУРТАЗА. Значит, было так. Иду я утром в школу, а по дороге машина снегоочистительная идет. Знаете, такая, снег передом загребает, а сбоку как из пушки вылетает. Я, конечно, постоял, посмотрел. Ну, проехала машина, а снег по краю как ножом обрезали. Гляжу, из сугроба срезанного, около дороги, какая-то глупая палка торчит. Подошел ближе, стал ее из сугроба тащить, гляжу - винтовка! Жалко только - одно дуло было. Я обрадовался, хотя она и без приклада была. Побежал к Сережке Баранову - он хвастался, что у него патроны есть. Взяли мы с ним доску, обстрогали, приладили к дулу.

ТИХОНОВ. К стволу.

МУРТАЗА. К стволу. Все хорошо получилось. Ну, решили попробовать, как она стреляет... Взяли патроны, зарядили винтовку и пошли во двор.

ТИХОНОВ. Когда?

МУРТАЗА. Вчера. Ну, бабахнул я разик. По вороне...

ТИХОНОВ. Попал?

МУРТАЗА. Не-а, Сережке дал стрелкнуть - все-таки его патроны-то. Он попал.

ТИХОНОВ. В кого?

МУРТАЗА. В кого, в кого! В ворону! Она как раз в развилке на клене сидела...

ТИХОНОВ. А потом?

МУРТАЗА. Потом все. Похоронили ворону и разошлись.

ТИХОНОВ. А в тот день, что винтовку нашел, ты в школу ходил?

МУРТАЗА. Сережка Баранов тоже не ходил...

ТИХОНОВ. А когда же все-таки ты нашел винтовку?

МУРТАЗА. Несколько дней назад.

ТИХОНОВ. Точнее.

МУРТАЗА. Точнее? Так, в понедельник я был в школе, потом мы всем классом ходили в кино. А вот на другой день я школу и прогулял. Во вторник, значит, нашел. Сразу вместо школы к Сережке побежал...

ТИХОНОВ. А первый раз когда стреляли?

МУРТАЗА. Я же говорю - вчера!

ТИХОНОВ. Ой ли?

МУРТАЗА. А как же! Пока деревяшку приделали - два дня. Потом еще подождали...

ТИХОНОВ. Чего же это вы ждали?

МУРТАЗА. А вдруг хозяин винтовки найдется? Увидит ее у нас и сразу отнимет! Подождали, подождали, а вчера и решили ее попробовать.

ТИХОНОВ. Сколько же раз всего вы стреляли?

МУРТАЗА. Так я же говорю - два раза!

ТИХОНОВ. А сколько у Сережки патронов было?

МУРТАЗА. Два.

ТИХОНОВ. Ладно. Кто твои родители?

МУРТАЗА. Отец работает дворником в нашем доме. А мать горничная в гостинице "Байкал".

ТИХОНОВ. Ее как зовут - Ханифа?

МУРТАЗА. Да-а. А откуда вы знаете?

ТИХОНОВ. Да уж знаю. А к матери на работу ты ходишь?

МУРТАЗА. Иногда хожу. Денег на кино попросить или еще чего...

ТИХОНОВ. Ясно. А в прошлое воскресенье ты у нее был?

МУРТАЗА. Н-не помню. Я, кажется, до кино к ней заходил...

З а т е м н е н и е

Кабинет Тихонова. В нем - ТИХОНОВ и ШАРАПОВ.

ШАРАПОВ. Ну, что с пациентом? Это он стрелял?

ТИХОНОВ. Трудно сказать. Клянется, что стрелял вчера первый раз.

ШАРАПОВ. При всех условиях надо знать, чья винтовка. Если Муртаза врет по датам, только владелец нам поможет в этом деле разобраться. По картотеке проверили?

ТИХОНОВ. Мы с Савельевым всю ее обшарили. Но этой винтовки на учете нет и не было. Да и какой дурак бросит на улице винтовку, зарегистрированную на его имя?

ШАРАПОВ. Владельца надо найти во всех случаях. Найти обязательно. И быстро.

ТИХОНОВ. Да я кое-что уже сделал. Через отдел сбыта оружейного завода я установил, что два года назад эта винтовка была отпущена Брянскому облспортторгу. Они это легко по номеру установили. Ну, я позвонил в Брянск Толе Хохлову, ты его помнишь, наверное, и попросил разузнать все что можно об этом винтаре проклятушем.

/Раздается звонок./

Да-да, Толя, это я, слушаю, слушаю. Куда? В клуб ДОСААФ? Так, так. Украл? Так, понимаю. А где он сидит, этот Плечун? Ага, понятно. Подожди, я запишу. Спасибо тебе, старик, огромное. Протокол вышли сегодня же. Привет!

ТИХОНОВ. Хохлов говорит, что из клуба эту винтовку украл один пьянчужка, Плечун его фамилия. Через три дня его поймали, но винтовку он уже успел продать на рынке за сорок рублей какому-то мужику. Установить этого покупателя не удалось.

ШАРАПОВ. А вот это ужасно... Без этого мы Муртазу, если он врет, ни в чем не уличим... Слушай, Стас, попробуй-ка вот что: собери фотографии всех наших фигурантов по этому делу и отправь их фототелеграфом в исправительную колонию, где сидит Плечун. А вдруг он кого-то опознает?

ТИХОНОВ. Сегодня же организую. Похоже, что все старые версии можно считать исчерпанными. А, батя?

ШАРАПОВ. Это почему же?

ТИХОНОВ. Дальше искать нетде. Нет следов.

ШАРАПОВ. Вернее, их не видно. Условимся, что преступник или какие-то следы попали в круг твоего поиска. Как ты

мог проскочить мимо них?

ТИХОНОВ. Только две причины: абсолютная маскировка или меня подвела проклятая заданность восприятия, аксиомы свололочные. Эх, батя, когда я научусь ничего не воспринимать заранее как неоспоримый, безусловный факт, цены мне не будет!

ШАРАПОВ. Ну, хорошо, а твоя версия с Хижняками?

ТИХОНОВ. Отработана. Все Хижняки в Москве, Ленинграде. Ровно сугубо положительные люди. Это установлено точно.

ШАРАПОВ. Ты все просмотрел, относящиеся к делу?

ТИХОНОВ. Все. Даже ее студенческую зачетку: там иногда пишут адреса и телефоны.

ШАРАПОВ. Ты абсолютно уверен, что просмотрел все?

ТИХОНОВ. Да.

ШАРАПОВ. А это что такое? /И он положил на стол отчет по командировке Аксеновой./

ТИХОНОВ. Отчет по ее командировке. Что здесь может быть важного?

ШАРАПОВ. Не знаю. Просто надо смотреть все.

ТИХОНОВ. Командировка в Ровно. Штамп: прибыла - убыла. Биле ты... Сумма прописью...

ШАРАПОВ. Тихонов, я тебя очень уважаю и высчитывать как Леверье не умею... Только я старый и битый сыщик, Тихонов, и очень тебя люблю и ценю, и хочу, чтобы это дело было твоим. А для этого всегда начинай с самого начала и вычеркни из словаря оперативника слово и понятие "мелочь".

ТИХОНОВ. Слово и понятие - суть одно и то же.

ШАРАПОВ. Может быть. Посмотри же железнодорожный билетик, сынок. Там дырочки: билетик-то компостировался... где-то она с поезда слезила. Зачем? Где?

ТИХОНОВ /рассматривая билет/. Батя, а ведь ты гений, э?
ШАРАПОВ. Я старый, Стас... А не гений...

З а т е м н е н и е

Тот же кабинет. САВЕЛЬЕВ, ТИХОНОВ.

САВЕЛЬЕВ. Значит, так... Билетик этот выдан желдоркэс-сой Ровно на скорый поезд номер шестнадцать, который прибыл на Брянский вокзал тринадцатого февраля в шестнадцать двадцать. В Брянске билет был прокомпостирован на сутки. Его владелец провел в Брянске, таким образом, четыре часа сорок пять минут, сел на поезд в двадцать сорок пять и прибыл в Москву четырнадцатого в восемь утра. Лифтерша в редакции показала, что Таня Аксенова приехала с чемоданчиком четырнадцатого в восемь тридцать, не позже. Редакционный шофер отвез ее домой в девять - с такси плохо, у вокзалов таксеры клиентов подбирают повыгоднее - и около четырех часов она вернулась в редакцию.

ТИХОНОВ. Значит, Брянск. Не зря она ездила в Брянск. Не зря ее убили из винтовки, похищенной и купленной неизвестным на базаре в Брянске же. И не зря ее убили через несколько часов после ее возвращения. Так. Поехали, Савельев.

САВЕЛЬЕВ. В Брянск?

ТИХОНОВ. Нет. В Ровно. Всех ровненских Хижняков поделим поровну: я себе беру девять, а тебе отдаю шестерых...

/Фонограмма речи Теддена на его предвыборном митинге./

З а т е м н е н и е

Скромно обставленная комната. Моложавая, но совершенно седая женщина подметает пол. Раздается стук в дверь.

ЖЕНЩИНА. Подождите, подождите, сейчас открою. /Идет к двери, отпирает./

/Входит ТИХОНОВ./

ТИХОНОВ. Товарищ Хижняк?

ХИЖНЯК. Да. А?..

ТИХОНОВ. Здравствуйте, Анна Федоровна. Я с трудом разыскал вас. Хорошо, что здесь, в Ровно, вы знаменитый человек... Депутат.

ХИЖНЯК. А вы ко мне по депутатским делам? Заходите. Только сегодня приехала — у сына в гостях десять дней была.

ТИХОНОВ. Простите, Анна Федоровна, когда вы поехали к сыну?

ХИЖНЯК /встревоженно/. Во вторник прошлый. А что?

ТИХОНОВ. Нет, я просто так спросил. Анна Федоровна, я из Московского уголовного розыска. Привело меня к вам печальное событие...

ХИЖНЯК. Что?

ТИХОНОВ. Вы знаете Таню Аксенову, журналистку из Москвы?

/ХИЖНЯК что-то хочет сказать, но не может выговорить, кивает./

Шесть дней назад она погибла...

ХИЖНЯК. Убил. Убил! Убил, проклятый!..

З а т е м н е н и е

Грохочут, грохочут барабаны, гремят слова немецкой команды. По фонограмме мы слышим: идет расстрел — крики женщин, детей, сухой лай автоматов. И на этом фоне — снова Тэдден и снова слова: "Я продолжаю вести репортаж из ФРГ. Нет, это не фашистское собрание времен Фюрера. Это вы слышите рев сторонников Фюрера номер два, живого нациста, лидера НДП Тэддена и его единомышленников!"

Прощениум. Процируется угол вокзала в городе Ровно.
ТИХОНОВ и САВЕЛЬЕВ.

ТИХОНОВ. В Брянске я поеду сразу к нему, а ты заскочишь в угровыск за людьми.

САВЕЛЬЕВ. А если вместе?

ТИХОНОВ. Тут, старина, минуты дороги. Дядя — веселый, чуткий, такие могут дать деру в ту минуту, когда мы с тобой антимонии будем в ровыске разводить...

/Слышен звук подходящего поезда./

З а т е м н е н и е

ТИХОНОВ стоит в дверях комнаты, дверь ему открыла средних лет женщина.

ТИХОНОВ. Здравствуйте, Хозяин дома?

ЖЕНЩИНА. Заходите, скоро придет. Суббота сегодня — он в баню пораньше пошел. А я — жена его, Нина Степановна...

ТИХОНОВ. Тихонов моя фамилия. Я — корреспондент из Москвы.

ЖЕНЩИНА. Недавно уже приезжала к нему корреспондентка. Из Москвы тоже. Не застала только - в районе был.

ТИХОНОВ. Знаю. Из нашей газеты. С вами разговаривала?

ЖЕНЩИНА. Да, проговорили три часа. Не дождалась, расстроенная была.

ТИХОНОВ. Расстроенная? А с чего?

ЖЕНЩИНА. Так ведь женское сердце кто поймет? И потом отец ейный в этих местах погиб в войну. Интересовалась все фотографиями... Да разве найдешь чего... Сколько лет прошло... Чайку, может, хотите?

ТИХОНОВ. Спасибо. Фотографиями-то и я интересуюсь...

ЖЕНЩИНА. Чудные вы все, корреспонденты... Коленка у меня левая болит - к холодам... Последние морозы самые жестокие...

/Хлопнула входная дверь. ТИХОНОВ выпрямился, как лопнувшая пружина, сунул руку под пиджак, щелкнул предохранителем "Макарова". ЖЕНЩИНА сделала шаг к двери./

ТИХОНОВ /свистящим шепотом/. Стойте на месте!

/ЖЕНЩИНА замерла. Распахивается дверь. Входит

ЛАТУНОВ./

Заходите, заходите, я вас уже давно ожидаю.

/Вошедший автоматически делает еще один шаг, судорожно оборачивается. ТИХОНОВ толкает его стволом пистолета под ребро и сорвавшимся на дельцет голосом кричит./

Ну-ка, ну-ка, без глупостей! Я за вами две недели не для того гонюсь, чтобы сейчас еще кросс устраивать...

/ЖЕНЩИНА, оцепенев от ужаса, прижалась к стене./

Вы, Нина Степановна, займитесь пока на кухне, а мы с вашим супругом побеседуем.

/НИНА СТЕПАНОВНА уходит. Троекнула щеколда, и вошли САВЕЛЬЕВ и ТРИ МИЛИЦИОНЕРА./

Ну ладно, здесь будем говорить?

ЛАГУНОВ. А о чем, собственно, мне с вами говорить...

ТИХОНОВ. Хорошо, поедем прямо в Москву.

САВЕЛЬЕВ. Не ожидали? Да вот пришлось побеспокоить.

ТИХОНОВ. В вашей бандитской профессии нельзя ошибаться. А вы сделали много ошибок.

ЛАГУНОВ. Как вам не совестно, товарищ! Это же возмутительно, что вы говорите. Меня знает общественность, меня многие знают на Орловщине, меня не дадут в обиду...

ТИХОНОВ. Вы слишком настойчиво акцентировали, что Кромск — в Орловской области. Когда я заинтересовался этим, то узнал, что Кромск хоть и в Орловской области, но расположен — то он гораздо ближе к Брянску. Это, кстати, одна из ваших ошибок...

З а т е м н е н и е

Кабинет Тихонова. Поздний вечер. ТИХОНОВ и ШАРАПОВ.

ШАРАПОВ. Я думаю, его насторожили три вопроса, которые Таня пыталась выяснить у его жены: давно ли они женаты, где он был во время войны и жил ли он раньше в Ровно. Но почему Таня не заявила?

ТИХОНОВ. Таня сама не была уверена в том, что она нашла его. Она не решилась обратиться в официальные органы с пред-

ложением проверить подозрения Хижняк. Боялся оскорбить человека таким жутким предположением. Тем более его жена сказала, что он через пару дней собирался поехать по делам в Москву. Таня оставила для него записку со своим телефоном и попросила срочно позвонить ей по очень важному делу.

ШАРАПОВ. И тогда он положил в чемодан купленную в Брянске у воришки винтовку...

ТИХОНОВ. Я вот все думал: зачем он купил тогда винтовку? На всякий случай? Вряд ли. Прошли недавно большие процессы над пойманными изменниками, и он точно знал, что ни под какую амнистию не попадет...

ШАРАПОВ /снимает трубку/. Доставьте. Жулик-то этот, Плечун, опознал его без колебаний: "Он, - говорит, - у меня винтовочку купил..." /Достает пачку сигарет, предлагает Тихонову./

ШАРАПОВ. Хочешь закурить? Или свой "чаем в глаз" засмолишь?

ТИХОНОВ. "Галуаз", а не чаемвглаз, батя...

/Вводят ЛАГУНОВА./

ЛАГУНОВ. Добрый вечер...

ШАРАПОВ. Привет...

ЛАГУНОВ. Надеюсь, вы - руководящий работник управления? Я направил жалобу на имя министра внутренних дел и в Президиум Верховного Совета. Акт позорного беззакония в отношении меня так безнаказанным остаться не может...

ШАРАПОВ /Тихонову/. А почему у него шнурки из ботинок не повытаскивали?

ТИХОНОВ. Такие сами не вешаются. Таких стреляют...

ЛАГУНОВ. Это что же такое, а?! Я заявляю протест! Это

вам не старые времена!

ШАРАПОВ. Вот это точно. Расскажи ему, Тихонов, про доназательство.

ТИХОНОВ. Хорошо. А вы, Лагунов, ни в чем добровольно признаться не хотите?

ЛАГУНОВ. В чем мне признаваться? В работе на благо народа?! В том, что не жалел себя?! В чем?!

ТИХОНОВ. А вы спокойней. Вот лист бумаги: берите и пишите: "Ни в чем себя виновным не признаю".

ЛАГУНОВ. В чем вы меня обвиняете?

ТИХОНОВ. А вы в чем-то себя виновным считаете?

/ЛАГУНОВ берет лист бумаги и пишет что-то./

Дату, пожалуйста, поставьте... Очень хорошо. "Возмущен произволом. Ни в чем себя виновным не признаю. Лагунов". Вот этого джентльмена вы не знаете, Лагунов?

ЛАГУНОВ /рассматривая фото/. Увы. Не знаю.

ШАРАПОВ. А он вас отлично знает.

ЛАГУНОВ. Откуда?

ТИХОНОВ. Вы у него в Брянске винтовочку краденую купили.

ЛАГУНОВ. Какая чушь... У меня дома два прекрасных ружья, зачем мне надо было покупать краденое оружие?!

/ТИХОНОВ достает из сейфа винтовку./

ТИХОНОВ. Эта не ваша?

ЛАГУНОВ. Если вы верите какому-то воришке, который крадет оружие, тогда можно договориться черт знает до чего...

ШАРАПОВ. Между прочим, это - довод, Тихонов. Мало ли что какой воришка может на честного человека наклепать. А нам потом расхлебывай, извинения приноси...

ТИХОНОВ. Вы позвонили к Тане Аксеновой в редакцию. Я не знаю как, но вы уговорили ее приехать к вам в гостиницу. И пока она ехала, вы собрали свою винтовочку. На всякий случай. В коридоре было много народу, горничная Ханифа сдавала белье — Таню никто не заметил. Вы поговорили с ней. Вы убедились, что она была у вас дома не потому, что заинтересовалась вашими успехами в салдо с бульдо. К несчастью, она не смогла скрыть этого от вас. Это была ее вторая ошибка. Первую она сделала, отправившись к вам, не позвонив на Петровку, 38. К нам. Она была очень чистым человеком: она не могла обвинять, не имея безусловных доказательств. Вы поняли после разговора, что она слишком серьезный человек, чтобы говорить о вас по гостиничному телефону. Вы поняли, что из гостиницы она поедет к нам, либо в КГБ. И то и другое — конец для вас. Все! Терять вам было нечего. Вы встали на стул, открыли окно, включив перед этим на полную мощность радио. Вы хотели застрелить Таню на середине пустыря — это место лучше всего просматривается. Но прямо за ней шел мужчина по фамилии Казанцев, и он сразу бы увидел, как она упала. Поэтому вы дождались, когда он обогнал ее метров на пятнадцать, и нажали спусковой крючок. В этот выстрел было вложено все ваше бандитское мастерство. Впрочем, вы и не сомневались, что убьете ее наповал. Опыт большой. Выстрел услышать никто не мог — у этих винтовок нетромкий бой, а шум радио потесил и его. После этого вы разобрали винтовку, спрятали под пальто ствол и приклад, тихо открыли дверь и выглянули в коридор. Никого не было. Вы захлопнули дверь, быстро подошли к столу дежурной и оставили ключ от номера...

ДАГУНОВ /рассмеявшись/. Это трех, конечно, мне смеять-

ся над убитой, вроде бы как кощунствую... Только я не юрист, и разрешите мне, товарищи, задать вам свои вопросы супротив, так сказать, ваших доказательств. Я краток буду, я буду, так сказать, суммировать. У вас есть винтовка, из которой, как вы говорите, я выстрелил в несчастную. Но возникает вопросец: как же это я из окошка в гостинице стрелял, когда я сидел в ложе бенуара в это время? Да, в театре, в Большом, в кресле номер четыре. А? Получается-то нелепица, товарищи дорогие. На несуразность эту как вы ответите?

ШАРАПОВ. А вы не сидели в кресле ложи бенуара. Вы как вышли из гостиницы, засунули ствол винтовки и приклад в сугроб, а сами - в такси, в Большой театр. Полчаса ждали конца спектакля, а потом у выхода попросили у кого-то билет и программу. А уж в гостинице, вернувшись, постарались у Гафуровой на глазах помелькать. Вон даже арию пели. То-то она так охотно подтвердила ваше алиби.

ЛАГУНОВ. Но позвольте, позвольте... Вы считаете, что в журналистку выстрелил я, поскольку меня опознал жулик, продавший винтовку в Брянске на базаре человеку, похожему на меня: то есть без бороды и усов, с обоими глазами, не на костылях, ничем вроде бы не выделяющемся. Да вас же засмеют, если вы эдакие доказательства выдвинете. Засмеют и - накажут. Потому как спросят: "Зачем Лагунову, человеку женатому, пожилому, тихому, стрелять в красавицу журналистку, столичную дамочку?" Что вы на это ответите?

ТИХОНОВ. Я? Я - ничего. А вот она?

/Открывается дверь и входит ХИЖНЯК./

ЛАГУНОВ /протяжно кричит, падает на пол, воет, бьется в истерике/. Сволочи! Ненавижу! Ненавижу всех вас! К стенке б

вас! Всех! До одного!

ХИМНЯК. Да, это он. Это он был моим мужем двадцать шесть лет назад. Тогда его фамилия была не Лагунов, а Ерыгин. Да, это он предал наш отряд фашистам, да, это он расстреливал нас вместе с гестаповцами, полицай проклятый! Я одна осталась жива, меня одну выкопали из могилы. /Лицо женщины вдруг затряслось./ В день, когда ко мне приехала Таня Аксенова, я увидела газету. Там было фото: "Участники совещания обсуждают". И среди них был он. Нет ничего страшнее клеветы на честного человека, но еще страшнее, если фашистский недобиток затеялся среди нас. Я рассказала Тани Аксеновой об этом... И раз он убил ее - значит, она его изобличила. Он убил ее, рожденную в тот год, когда они начали против нас войну. Он убил ее, потому что он и его хозяева боятся нашей правды...

/Гремит голос фон Талдена, рев толпы, пробь барабанов. Резкая тишина./

В кабинете - ШАРАПОВ, САВЕЛЬЕВ и ТИХОНОВ. ТИХОНОВ и САВЕЛЬЕВ убирают со стола дела в нестораемый шкаф.

ТИХОНОВ. Батя, а ты почему это дело нам передал?

/ШАРАПОВ не отвечает, сидит отвернувшись к окну./

Батя, ты что, уснул?

ШАРАПОВ. Я отдал вам это дело потому, что моих мальцов фашисты убили в Бабьем Яре, в сорок втором осенью... Им бы сейчас было ровно столько, сколько вам... Такое, понимаете, совпадение: даже по месяцам точно...

/Торжественно, в ритме марша, звучит строфа
из песни "Хотят ли русские войны". Три усталых
человека в милицейской форме выходят на просце-
ниум./

З а н а в е с

ВАЙНЕР Аркадий Александрович

Москва, А-445, Беломорская ул., д. 6, кв. 24

Телефоны: 157-72-77 - Вайнеры

291-34-20 - Семенов

Выпуск. редактор Т. Казакова

Тираж 50. Заказ 44. 10/П-1970 г.

Ротатор Отдела распространения.